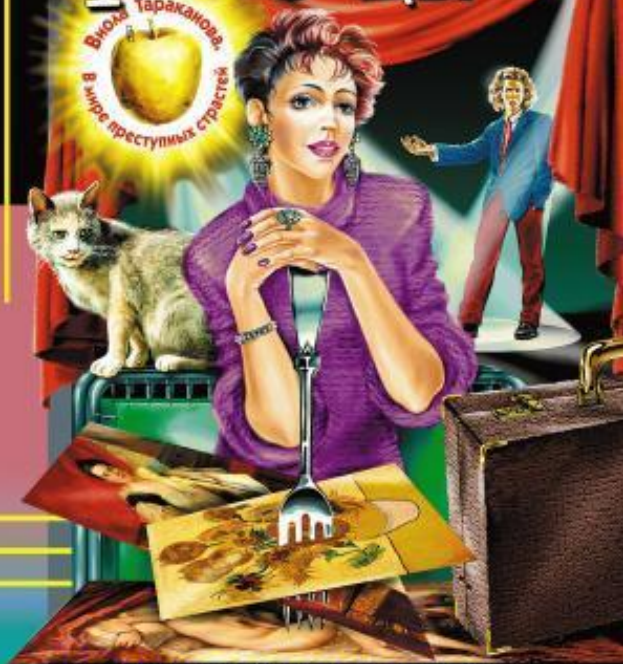

Дарья Донцова

УДОВИЩЕ КРАСАВИЦЫ

Вянола Тараканова.
В мире преступных страстей

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Донцова
Чудовище без красавицы
Серия «Виола Тараканова. В мире
преступных страстей», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118886
Чудовище без красавицы: Эксмо-Пресс; Москва; 2001*

Аннотация

Почему люди не летают? Да потому, что крылья мешали бы им ползать. Сколько же на свете гадов!.. Меня зовут Виола Тараканова. Однажды я пришла на урок к своему ученику Никите. В доме царил разгром: отца Кита накануне арестовали за хранение наркотиков. Его мама, Лена – художница, попросила меня спасти одно ее полотно, чтобы оно не попало в опись имущества. В мастерскую меня повел Кит, а когда мы вернулись, я нашла в спальне труп Лены. Я передала мальчика его бабушке, но и там его настиг убийца. Но он чудом остался жив. А дальше... похитили дочь моей подруги, и я должна заплатить за нее полмиллиона долларов или найти убийц Лены. Уверена на все сто – это одни и те же люди...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	35
ГЛАВА 4	45
ГЛАВА 5	58
ГЛАВА 6	72
ГЛАВА 7	85
ГЛАВА 8	99
ГЛАВА 9	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Дарья Донцова

Чудовище без красавицы

Относительно родственников можно сказать много чего... и сказать надо, потому что напечатать нельзя.

Альберт Эйнштейн

ГЛАВА 1

Отчего люди не летают, как птицы? Станный вопрос: у них нет крыльев. И потом, если бы они имелись у человека, то страшно бы мешали тому ползать. Ну скажите, возможно ли, имея за плечами два чудесных приспособления для перемещения в воздухе, делать пакости, обманывать, пресмыкаться перед вышестоящими и обижать тех, кто стоит ниже нас? Существо, умеющее парить, – это ангел...

– Эй, Вилка, – раздраженно спросила Лера, – ты меня не слушаешь?

– Что ты! – я изобразила крайнее внимание. – Как можно! Очень внимательно слежу за всеми твоими мыслями. Только секунду назад ты заявила: «Кто еще, кроме любимой свекрови, способен довести человека до полной отключки сознания!»

– Ну и твое мнение по этому вопросу?

– У меня его нет, – спокойно ответила я, – как нет и свекрови. Олег достался мне сиротой, причем круглым. Впрочем, точно не знаю. О матери он сообщил, что она умерла достаточно давно, а об отце промолчал. Сказал, будто его воспитывал отчим, я поняла, что его тоже нет в живых. Там была какая-то неприятность в семье. То ли его родители разошлись, то ли разъехались, не оформляя ничего по закону... Одним словом, и свекор, и свекровь у меня отсутствуют.

Лерка взвизгнула:

– Нет, ты и не представляешь, как тебе повезло. А у меня полный боекомплект, даже чересчур полный: папенька, маменька и даже бабушка у Витьки живы, здоровы и веселы. Прикинь, что вчера произошло...

Я уставилась на Леру, наклеила на лицо самую приветливую улыбку и принялась кивать, изображая полнейшее внимание. Этому трюку я обучилась в семь лет. Моя мачеха, Раиса, когда напивалась, а случался запой, как по расписанию, два раза в месяц, второго и пятнадцатого числа, то есть когда выдавали получку, начинала бешено орать, тыча в меня пальцем: «Убью на фиг, ты почему не в школе, сволочь!» Сначала я пыталась объяснить разъяренной бабе, что часы давно пробили двадцать один час и телевизор демонстрирует программу «Время».

Но Раиса продолжала бушевать. Длился скандал, как правило, минут тридцать, потом мачеха рушилась в кровать и начинала оглушительно храпеть. Утром, страдая от головной

боли, она притягивала меня к себе, прижимала к большой, мягкой груди и бормотала:

– Ну не сердись, кричу, значит, люблю, воспитываю. Иди-ка, глянь в сумку, я купила тебе с полочки пряничков.

Очень скоро я сообразила, что спорить с Раисой в тот момент, когда она орет, бесполезно. Надо просто молчать, чтобы не злить бабу. Сначала просто кивала в такт ее воплям, но потом внезапно поняла, что научилась не слышать крики, изображая на лице полнейшее внимание. Это умение пригодилось в школе, когда во втором классе мне досталась новая училка, Валентина Никитична, визжащая так, что у детей кровь сворачивалась в жилах.

– Уроды, дебилы, кретины! Всем заткнуться!!!

Одноклассники начинали рыдать, а мне хоть бы хны! Закаленная тетей Раей, я преспокойненько дремала на задней парте, делая вид, что испугана сверх всякой меры. Наверное, поэтому я и окончила школу на одни пятерки, просто не воспринимала ничего, кроме знаний.

Умение отключаться пригодилось мне и во взрослой жизни. Вот сегодня Лерка Парфенова битый час жалуется на свекровь, пытаюсь объяснить очень простую вещь: ей, несчастной, досталась в родственницы Медуза Горгона, от взгляда которой, как известно, все живое мигом превращалось в камень. Лерке надо выговориться, но мне ее взаимоотношения с этой женщиной совершенно неинтересны... но не обижать же подругу! Поэтому пусть болтает, а я подумую

о своем... Любопытно, когда сегодня явится с работы Олег? Это мой муж, Олег Михайлович Куприн. К сожалению, он служит в милиции, и я чаще разговариваю с ним по телефону, чем на кухне за столом, вдвоем... Хотя вдвоем в нашей семейке остаться проблематично, слишком много народу проживает в квартире. Но лучше начну по порядку.

Меня зовут Виола, а фамилия... Если стоите, то лучше сядьте... Тараканова. Вот уж повезло так повезло. В детстве я часто плакала от досады: ну почему меня зовут так по-идиотски? Как хорошо иметь незатейливые имя и фамилию: Таня Иванова или Лена Петрова... Я уже не говорю о Наташе Смирновой или Гале Михайловой... Но самый цирк начинается, когда я называю свое отчество. Нет, вы только это представьте: Виола Ленинидовна Тараканова. Папеньке моему дали имя Ленинид, что расшифровывается как «Ленинские идеи». Впрочем, хорошо еще, что весьма революционно настроенные родители не назвали его Оюшминальд, что является сокращением фразы «Отто Юльевич Шмидт на льдине», был такой полярник, страшно известный в прежние годы, или Статразав, что попросту означает «Сталинский тракторный завод»... «Ленинидовна» многие путают с «Леонидовой», а я и не возражаю, мое отчество могло оказаться куда более противным. В общем, как говаривала тетя Рая, пытаюсь научить падчерицу уму-разуму:

– Не завидуй тем, кому лучше, погляди на того, кому хуже. Маменьку свою я не помню, она бросила дочурку в мла-

денчестве, папенька загремел на зону за кражу в первый раз, когда мне едва исполнилось шесть. И долгие годы я считала, что он умер. Воспитывали меня мачеха Раиса и родители лучшей подруги Томочки, дядя Витя и тетя Аня.

Но вот уже много лет мы с Томой живем одни. Мачеха Раиса умерла, а родители Томочки разбились в автокатастрофе. Мы с ней поселились в крохотной «распашонке» и долгие годы обитали вдвоем. Но потом произошел целый каскад событий, в результате которых я выскочила замуж за Олега, а Томуська за Семена, получив вместе с супругом и дочку, тринадцатилетнюю Кристину.

Теперь мы живем все вместе в огромной квартире, двумя семьями, есть у нас собака Дюшка, девушка неизвестной породы, кошка Клеопатра и Сыночек, выросший ребенок Клепы.

Впрочем, называть Дюшку девицей как-то не с руки. Со дня на день мы ждем, что она станет матерью.

Ни Семена, занимающегося издательским бизнесом, ни Олега никогда нет дома. Мы же с Тamarой настолько привыкли жить вместе, что просто не способны разъехаться. Коекто из подруг, та же Лера Парфенова, удивляется и спрашивает:

– Ну неужели вам не хочется пожить своей семьей?

Мы сначала с недоумением пожимали плечами, но однажды Тома не выдержала и ответила:

– А мы и живем своей семьей, только она у нас очень боль-

шая!

Скоро, однако, она станет еще больше. Дело в том, что где-то в апреле Томуська должна родить. Кого, мы пока еще не знаем, ультразвук ничего не показывает на таком маленьком сроке, и никаких изменений в стройной фигуре Томи пока не произошло...

– Вилка, – вновь возмутилась Лера, – ты что это сидишь, как китайский болванчик, с выпученными глазами? Спишь, да?

– Нет, конечно, – вынырнула я из глубин сознания, – разве можно спать с выпученными глазами. Просто на работу пора, скоро пять!

Высшего образования у меня нет. Но в свое время мы с Томой окончили так называемую специальную школу с преподаванием ряда предметов на немецком языке. Я же обладаю феноменальной памятью, позволившей мне не только получить золотую медаль, но и выучить немецкий так, что окружающие уверены, будто у меня за плечами иняз или, на худой конец, филфак МГУ, романо-германское отделение. Но институт я не посещала. После смерти дяди Вити и тети Ани нам с Томочкой пришлось идти работать, иначе мы бы просто умерли с голоду. К сожалению, я в основном проводила время с ведром и шваброй, пока однажды соседка не попросила подтянуть по немецкому своего сынишку Тему, вдохновенного двоечника и самозабвенного лентяя. В нынешние времена репетиторы совсем озверели и меньше, чем

за десять долларов урок, и пальцем не шевельнут. Но у Наташи не было таких денег, и она сказала:

– Буду платить сто рублей за час, идет?

Так началась моя карьера домашней учительницы, учеников набралось много, в основном дети из малообеспеченных семей, родителям которых было не по карману нанять «настоящего» репетитора. Но вот парадокс. Среди толпы небогатых школьников оказались и три ребенка из более чем дежних семей. До того как попасть в мои руки, они прошли через многих дипломированных специалистов без всякого толку. В дневниках у них как были двойки, так и остались. Но через месяц занятий со мной дети начинают получать четверки, а потом и пятерки. Почему так происходит, я не знаю, дети тоже не могут объяснить, отчего в их мозгах после глубокой и темной ночи наступает солнечный рассвет. Впрочем, Тема один раз сказал:

– Знаешь, Вилка, ты объясняешь не как училка, а как человек.

– В кои-то веки пришла обсудить свои проблемы, а у тебя времени нет, – обиделась Лерка.

Я развела руками:

– Ну извини, но на самом деле мне пора идти!

– А Томка где? – хищно поинтересовалась Парфенова.

Я подавила улыбку:

– Пошла с Кристиной в ГУМ покупать девочке зимние са-

пожжи, небось до ночи проходят, сама знаешь, какой теперь выбор.

Поняв, что все же придется уходить, Лерка двинулась вместе со мной в прихожую и, натягивая ботинки, недовольно забубнила:

– Денег вам, что ли, девать некуда, по ГУМу шляетесь, нет бы на рынок съездить!

Я молча вытолкала зануду на лестничную клетку. Сама я одевалась на черкизовской толкучке, наивно полагая, что куртка за триста рублей, произведенная вьетнамцами, защитит тело от холода, а ботиночки из кожи «молодой клеенки» предохранят ноги от сырости... Но куртка разваливалась после первой стирки, а у замечательных сапожек мигом отлетали подметки... Потом нам с Томуськой пришла в голову замечательная мысль: мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи. Поколебавшись немного, отправились в ГУМ и, походив по всем линиям, сделали удивительное открытие.

Во-первых, в дорогих магазинах очень часто бывают распродажи, когда цена вещи падает вдвое. Во-вторых, покупатели бутиков люди капризные, избалованные. Они ни за что не купят модель прошлого года или пальто с крохотным пятнышком на рукаве. Мне же, ей-богу, все равно, какой воротничок у блузки: закругленный или острый, но данный факт оказывает решающее влияние на стоимость. В-третьих, вся одежда, приобретенная в ГУМе, сидит на нас идеально, что

в общем-то совершенно неудивительно. В магазинах, расположенных тут, имеются примерочные, и вы натягиваете понравившиеся брюки в комфорте и тепле, окруженная зеркалами, а не стоя на кусочке грязной картонки за линялой тряпкой, которую держит подвыпивший торговец. В-четвертых, продавцы дорогих лавок вымуштрованы как рекруты, они мигом показывают уцененные вещи, да еще и советуют, что подешевле... Результат впечатляет. Моя черненькая курточка от Нины Риччи стоила всего на пятьдесят рублей дороже, чем произведение неизвестных «кутюрье» с толкучки... И ношу я ее третий сезон, а она как новая... В общем, теперь мы с Тамарой ходим только по дорогим магазинам...

Лерка Парфенова, решив забить последний гвоздь в историю своих отношений со свекровью, проводила меня до дома Никиты Федулова. Выслушав у входа в подъезд прощальные стоны на тему «Моя свекровь – ужас, летящий на крыльях ночи», я наконец-то избавилась от подруги и набрала на домофоне код квартиры.

– Кто там? – пропищал Никита.

– Вилка.

Дверь распахнулась. Никита Федулов замечательный мальчишечка семи лет. Папа его, Павел, бизнесмен. Честно говоря, сначала я считала, будто мужик просто бандит. Один раз, придя на урок, увидела в углу холла небрежно, горой, сваленное оружие: пару пистолетов, какие-то странные железные палки и что-то похожее на автомат...

– К папе друзья приехали, а маме не нравится, когда они по дому вооруженные ходят... – пояснил мальчик.

Маме Никитки, Лене, всего двадцать три. Сынишку она родила в шестнадцать. Впрочем, Павел ненамного ее старше, ему двадцать четыре. Но в отличие от многих браков, заключенных в юном возрасте, их союз не распался, и оба до жути любят Никитку. У мальчишки есть все – компьютер, музыкальный центр, горы игрушек и одежды... Но вот интересно, живя, как маленький принц, Кит абсолютно неизбалован, он хорошо учится, увлекается компьютером... Единственная тройка у него по немецкому, но мне кажется, что скоро проблем не будет.

Я люблю приходить в этот дом, и вовсе не потому, что Лена, всегда улыбчивая, приветливая, приносит на подносике кофе, булочки и конфеты, а после урока вручает конверт с десятью долларами. Именно конверт, Леночка никогда не сует мне «голую» бумажку... У них в доме очень уютно и спокойно, так хорошо бывает в семье, где люди просто любят друг друга. Кстати, Лена очень хорошая художница, мне ее простые, ясные картины нравятся.

Но сегодня в доме Федуловых царила непривычная нервозность. Хозяйка не вышла, как всегда, в холл, а двери в гостиную, кабинет и спальню, обычно распахнутые, были плотно закрыты. Да и Никитка вел себя странно, отвечал невпопад, а когда я удивленно спросила: «Кит, да ты не выучил, почему?» – внезапно расплакался.

Минут за пять до конца урока в детскую вошла Лена. Я поразилась ее виду. Лицо не накрашено, глаза лихорадочно блестят, нос распух, словно она долго плакала.

– Виола, – сказала Лена, – вас не затруднит пройти ко мне в спальню?

Я не раз бывала в красивой, уютной комнате с огромной кроватью и белыми шкафами с позолотой. Иногда мы с Китом играем в такую игру: я пишу записочки на немецком, ну, примерно такие: «Иди в кухню, посмотри на подоконнике». Мальчик кидается в «пищеблок», но там его ждет другое указание: «В спальне, на маминой половине кровати, под подушкой». Цель поисков – немудреный подарочек, чаще всего «Киндер-сюрприз». Естественно, Лена может купить сыну сразу коробку шоколадных яиц, но Никитке нравится сама забава. Поэтому квартиру Федуловых я знаю, как свою, и могу подтвердить: у Лены в доме всегда царит идеальный порядок.

Но сейчас спальня казалась разгромленной. Все шкафы открыты, ящики выдвинуты, вещи валяются на полу...

– Господи, – вырвалось у меня, – что у вас произошло?

Лена села на пуфик и спокойно сообщила:

– Павлуху арестовали, обыск был.

Я замерла с открытым ртом.

Увидав мою реакцию, Леночка хмыкнула, вытащила сигареты и продолжала:

– Если вы, Виола, сейчас скажете, что больше не хотите за-

ниматься с Китаем, ей-богу, я не обижусь. От меня уже ушли домработница и няня.

Я пожала плечами:

– Ну, от сумы и от тюрьмы в нашей стране зарекаться нельзя. И потом, мой родной отец отсидел полжизни по лагерям и зонам. Я и увидела-то его совсем недавно, правда, теперь он взялся за ум, женился, работает. Но факт остается фактом, я – дочь вора, согласитесь, похвастаться нечем, но, даже если бы мой папенька был академиком, я бы не бросила сейчас Кита. Ребенок-то при чем? Кстати, совсем обязательно платить десять долларов в час, подавляющее большинство учеников дает мне сто рублей за урок.

Лицо Лены просветлело.

– У меня нет пока проблем с деньгами. Виола, не могли бы вы мне помочь?

– С удовольствием.

Она протянула небольшой ключик.

– Вы ведь знаете, где мастерская?

– Конечно, на чердаке.

– Пожалуйста, поднимитесь туда, на стене, между гипсовыми масками, висит картина, она там одна висит, остальные просто стоят. Мое любимое произведение, дело жизни, изумительный пейзаж – пруд, лодка, лес. Я обожаю данную работу, писала три года, только недавно завершила... Выньте ее из рамы, скатайте аккуратно трубочкой, положите в пакет и заберите к себе. Только дома обязательно вновь вставьте

в раму и повесьте где-нибудь в темном углу, от яркого света краски блекнут, а я мечтаю выставить полотно в ноябре на выставке в «Арт-Мо».

– Хорошо, – удивленно ответила я, – только зачем уносить вашу работу?

Леночка опять схватилась за сигареты.

– Павлик попался на наркотиках, согласился провезти в партии товара героин. Заработать хотел, дурачок. Статья, по которой его повязали, предполагает конфискацию имущества. Не хочу, чтобы картина, на которую я возлагаю такие надежды, попала в опись. Не смогу тогда ее ни выставить, ни продать...

Я кивнула:

– Конечно, сделаю. Хотите припрячу и что-нибудь еще: драгоценности, столовое серебро...

Лена печально улыбнулась:

– Да плевать на барахло, потом скорей всего удастся доказать, что вещи куплены на мои собственные сбережения, только процедура эта длительная, а выставка вот она, на носу. Я у вас заберу полотно недели через две.

– Она мне не помешает и в течение большего времени, – сказала я и пошла на чердак.

Никитка увязался со мной. Отсутствовали мы около часа. Сначала я никак не могла открыть замок. Очень жаль, что Лена сама не пошла в мастерскую, но она ждала прихода адвоката и боялась, что тот, позвонив в домофон, уйдет, не до-

ждавшись хозяйки.

Наконец дверь распахнулась. На стене и впрямь висело только одно полотно. У Лены определенно был талант. От пейзажа веяло умиротворением. Большой пруд, темный, заросший ряской, на глади которого одиноко покачивалась самая простецкая деревянная лодочка, выглядел бы излишне мрачным. Тем более что по берегам стоял дремучий лес из старых, замшелых деревьев. Но наверху сияло голубое небо и тонкий луч золотил верхушки елей. «Федулова», – стояло в углу пейзажа.

Мы с Китом осторожно разобрали простую раму, превратив ее в набор беленьких палочек. Потом я аккуратно скатала полотно, засунула «трубочку» в пакет, положила туда же разобранный багет. Затем опять мы провозились с замком и пошли вниз.

Дверь квартиры была открыта. Я слегка удивилась, хорошо помня, что Лена, доведя нас с Никиткой до выхода, заперла замок... Впрочем, может, пришел адвокат, и Леночка забыла повернуть ключ.

– Мама! – заорал Никитка и побежал по коридору. В ту же секунду зазвонил телефон. Никита развернулся и бросился на кухню, откуда неслась трель. Я вошла в спальню и увидела Лену. Она сидела спиной к двери, положив голову на маленький туалетный столик.

– Лена, – позвала я.

Но Федулова не шелохнулась.

Испугавшись, что ей стало плохо, я быстро подошла к Лене и взглянула на повернутое вправо лицо. В ту же секунду из моей груди чуть не вырвался крик ужаса. Леночке и впрямь было плохо, очень плохо, так плохо, как в жизни не бывает. Огромные голубые глаза не мигая смотрели остекленевшим взором вдаль, словно она видела нечто, недоступное мне. А на ее виске чернела небольшая дырочка. Крови отчего-то почти не было, на губах Лены застыла улыбка, производившая еще более жуткое впечатление, чем предсмертная гримаса.

ГЛАВА 2

Только мысль о том, что в каждую секунду сюда с радостным кличем «Мама!» может ворваться Никитка, заставила меня на плохо слушающихся ногах выползти в коридор. Кстати, весьма вовремя, Кит уже закончил разговор и неся на всех парах в комнату к матери.

– Стой, – притормозила я его, – туда нельзя.

– Почему? – удивился мальчик.

– У мамы началась мигрень, она легла отдохнуть.

– А-а-а, – протянул Кит.

У Лены иногда случались приступы дикой головной боли, и Никитка совсем не удивился.

– У тебя ведь в семь вечера бассейн? – спросила я.

– Да, – радостно кивнул он, – с девятнадцати до двадцати тридцати.

– Тогда собирайся, – велела я, – быстро бери необходимое: мыло, мочалку, плавки, тапки, и пошли.

– А кто меня заберет? – поинтересовался мальчик, выходя на лестницу.

Я заперла дверь ключами Лены, положила их в карман, подхватила пакет с картиной и сказала:

– Бабушка заберет, сейчас позвоню Марье Михайловне, ты скорей всего к ней ночевать пойдешь, раз маме так плохо.

– Ура, – заскакал Никитка, – к бабе Маше, вот зыко, там

Модест!

Модест – это разъевшийся сверх всякой меры перс, больше похожий на карликового бегемота, чем на представителя славной породы кошачьих.

Я отвела Никиту в бассейн, потом вернулась назад в квартиру Федуловых и позвонила сначала своему мужу Олегу, потом бабушке Никиты, Марье Михайловне.

Мой супруг хороший профессионал, кстати, мы и познакомились с ним благодаря его службе. Я пришла к нему в рабочий кабинет с одной просьбой... Роман наш протекал стремительно и завершился свадьбой. Но приятного ощущения от замужества у меня никак не возникает. Олега никогда нет дома, и все то, что обычно делает в квартире мужчина, лежит на моих плечах.

Я ловко вбиваю гвозди, меняю перегоревшие лампочки, могу просверлить дырку и, засунув туда дюбель, ввернуть шуруп. Мне известна разница между долотом и стамеской, и я никогда не путаю крестовую отвертку с обычной. Я спокойно справляюсь с засором в ванной или на кухне, не боюсь мышей и великолепно усвоила несколько постулатов женщины, в одиночку управляющейся с хозяйством: то, что нельзя поднять из-за большого веса и перенести, можно оттащить волоком. Не желающую откручиваться пробку у бутылки с газированной водой легко повернуть, зажав ее щипцами для колки орехов. Правило рычага, помните, проходили в школе по физике? Если же нет сил скрутить крышку у банки, по-

следнюю следует перевернуть и аккуратненько поддеть тонким ножом железный кругляшок. Раздастся бульканье или звук «чпок» – и готово дело. Впрочем, справедливости ради замечу, что все вышеперечисленное я освоила еще до знакомства с Олегом.

В браке у меня появилась стойкая уверенность: в случае любых неприятностей следует звать на помощь Олега. В конце концов он появится и поможет! Ну повесил же все-таки новую кухонную полку, которая категорически не желала отрываться от пола, когда я пыталась ее приподнять. Правда, до этого мы три месяца жили, натыкаясь на нее на кухне...

Но сегодня, услышав о том, что стряслось у Федуловых, Олег примчался через пятнадцать минут. Причем не один, а в компании мужиков, которые стали бесцеремонно ходить по квартире, открывая шкафы и перешагивая через горы неубранных вещей.

– У них всегда такой бардак стоит? – поинтересовался Олег.

Я покачала головой:

– Нет. Вчера был обыск. Мужа Лены, Павла Федулова, арестовали.

– Я-асно, – протянул супруг. – Ну, а ты где была в момент убийства?

– Поднималась вместе с Никитой в мастерскую, на чердак.

– Зачем?

Я уже хотела было сообщить правду, но мигом передума-

ла. Картина Лены не имеет никакого отношения к данной истории. Федулова хотела выставить ее на вернисаже в «Арт-Мо». Вот я и отнесу туда пейзаж. Леночка очень мне нравилась, я должна выполнить ее последнюю волю... Взгляд упал на небольшой холст в красивой раме, стоявший у стены в кабинете.

– Да вот, – сказала я, – она просила принести эту картину, хотела здесь повесить.

– Чего же сама не пошла?

– Боялась пропустить приход адвоката!

– Понятно, – процедил муж и крикнул: – Юрка, забери эту мазню!

Я почувствовала ликование в душе. Так и знала! Скажи я правду про пейзаж, он бы мгновенно оказался среди вещественных доказательств. А мне очень хотелось отнести полотно в «Арт-Мо».

В кабинет влетел Юрка. Я знаю его всю жизнь, с самого детства, мы жили с ним в одном подъезде, и он частенько прибежал к нам просто так, на огонек. Кстати, именно он отправил меня в свое время к Олегу, и жена Юры, Лелька, долго потом говорила:

– Ну видали, замуж вышла благополучно, а сватам ничего? Ни мне шали, ни Юрке шапки...

– Здорово, Вилка, – сказал Юра, ухватил картину и присвистнул: – Ох, ё-мое, красота офигенная!

– Что там? – не утерпела я и подошла к приятелю.

В ярких лучах летнего солнца на полянке стояла, вытянув руки к небу, абсолютно обнаженная женщина с роскошной фигурой. Неизвестная натурщица была хороша статной, несовременной красотой. Грудь этак размера пятого, тяжелые бедра, полные ноги, но кожа белая-белая, сияющая, а по плечам рассыпан каскад рыжих, роскошных волос. Лицо же простецкое, с полными щеками, носом-картошкой, не слишком выразительными голубыми глазами и крупным ртом. Таких дам любил изображать Кустодиев.

– А ты не видела, что взяла в мастерской? – прищурился муж.

Я вздрогнула. Вот ведь какой наблюдательный – сразу заметил мою оплошность, надо выкручиваться.

– Естественно, видела, – сердито ответила я.

– Зачем тогда еще раз посмотреть решила? – спокойно осведомился Олег.

Я дернула плечом:

– Да интересно стало, что так понравилось Юрке. Помому, ожиревшая корова.

– Ну не скажи, – улыбнулся тот, – очень даже ничего, этаккий персик сочный.

Я хихикнула:

– Ну-ну, на Новый год обязательно подарю тебе репродукцию «Деревенской Венеры», повесишь в гостиной!

Юрасик с опаской глянул на меня:

– Ты всерьез?

Я подавила ухмылку:

– Конечно, раз так нравится, должно всегда находиться перед глазами.

Потом, глядя на смущенного Юрку, я не утерпела и продолжила:

– Представляю, в какой восторг придет Лелька!

Патологическая ревность Лели, жены Юры, отлично известна всем знакомым. Если бы она могла, то водила бы мужа по городу с завязанными глазами. Откуда взялась эта милая привычка, непонятно. Юрка добропорядочный семьянин, отец двух мальчишек-близнецов, жене своей не изменяет, но, как всякий субъект мужского пола, иногда с интересом поглядывает в сторону молодых, длинноногих и белокурых...

– Хватит паясничать, – хмуро велел Олег, – давайте, действуйте. Ты, Юрка, займись своим делом, а ты, Вилка, двигай домой, там и побеседуем, вечером!

Я покорно пошла в прихожую, чтобы натянуть куртку, но тут послышался громкий шорох. Из двери спальни показался мужик в синем комбинезоне, потом другой... Между ними покачивались носилки, на которых лежал наглухо закрытый на «молнию» мешок веселенького голубого цвета. Лена покидала родной дом. У меня перехватило горло, словно чья-то жестокая рука сжала его и не собиралась отпускать.

В нашей квартире витал дивный аромат, Тамара пекла в духовке свинину. Глядя на ее раскрасневшееся лицо, я ска-

зала:

– По-моему, в твоём положении вредно толкаться на кухне.

– Почему? – изумилась Томочка. – И потом, стыдно признаться, но я абсолютно не ощущаю никаких неудобств. Отчего-то совершенно не тошнит, и голова не кружится, да и слабости никакой! Помнишь, как плохо приходилось несчастной Лере Парфеновой? Целый день лежала в кровати...

Я, ничего не сказав, пошла в ванную. Томуся человек невероятной доброты, а Лерка использует любой момент для того, чтобы пожаловаться на здоровье. Причем все ее стоны имеют только одну цель: вызвать у окружающих желание ухаживать за Парфеновой.

Она и впрямь девять месяцев провалялась в кровати, поедая фрукты и щелкая пультом телевизора, а «мерзкая свекровь» и муж бегали вокруг ее ложа на цырлах, не зная, чем угодить бедняжке. Кстати, родив ребенка, Лера не слишком-то изменила своим привычкам. Первые полгода после родов она чувствовала себя слишком слабой, требовалось восстановить потраченные силы, затем у нее оказался низкий гемоглобин. Одним словом, Лерка вновь осела у телика с коробочкой шоколадных конфет, а «Медуза Горгона» вскакивала ни свет ни заря и бежала на молочную кухню. Правда, теперь Парфенова утверждает, что свекровь избаловала внука «донельзя». А бедная бабушка молча воспитыва-

ет мальчика, Лерка совсем не интересуется сыном.

Раздалась веселая трель звонка. Дюшка с лаем кинулась в прихожую, следом с топотом понеслась Кристина.

– Ну и отлично, – воскликнула Томуська, – в кои-то веки кто-то из наших мужей успел к ужину!

– Вам кого? – спросила Кристина.

Из-за двери раздалось недовольное бурчание. Я подошла к створке, отодвинула Крису и глянула в глазок. На площадке стояла странная парочка. Довольно высокий, полный мужик, одетый в нелепое пальто с огромным воротником, и маленькая, толстенькая тетка, отчего-то в мужской черной шляпе с широкими полями. Между ними маячил отвратительного вида потертый чемодан, перетянутый ремнями.

– Вам кого? – крикнула я.

– Олег Михайлович Куприн тут проживает? – визгливо отозвалась баба.

От злости я чуть не отгрызла дверную ручку. Среди сплошных достоинств у моего мужа имелся один недостаток. Этакая крохотная иголка в пуховой перине. Вы и не заметите ее, пока по случайности не сядете на острие задом. И тогда всем будет все равно, что иголка среди перьев одна...

Разъезжая по командировкам, Олег, будучи человеком добрым и сверх меры гостеприимным, раздает наш адрес провинциальным коллегам со словами:

– Будете в Москве, заезжайте в гости.

К сожалению, большинство людей понимает его буквально-

но, поэтому наш дом частенько похож на гостиницу. Однако я не могу сказать приезжим фразу:

– Рада бы оставить вас у себя, да места нет!

Наша жилплощадь огромна. На самом деле она соединена из двух квартир: четырех– и двухкомнатной. «Лишнюю» кухню мы тоже превратили в спальню, правда, ванная и туалет существуют у нас, слава богу, в двойном варианте. Места полно, и приходится, скрежеща зубами, давать приют гостям. Ладно бы они просто ночевали, а потом уходили по делам... но ведь с этими посторонними людьми еще нужно разговаривать, улыбаться им... Вне себя от злости я прошипела Кристе:

– Пойди к Томуське и скажи, что Олег опять наслал на нас десант ментов из глубинки.

Кристя мигом развернулась и полетела в сторону кухни, где ничего не подозревающая Томочка разворачивала фольгу, в которую была укутана свинина.

Старательно навесив на лицо сладенькую улыбочку, я распахнула дверь и защebetала:

– Здравствуйте, Олег еще не пришел с работы, а я его жена Виола.

– Очень приятно, Филипп, – улыбнулся мужик в кретинском пальто.

– Давайходи, – пнула его баба, – потом познакомишься...

Парень покорно шагнул внутрь.

– А чемодан! – вскрикнула тетка. – Господи, что за ребенок! Ничего по-человечески не сделает! Да ноги вытри о тряпку, а теперь шагай, гляди, не запнись о порог...

Мужик молча втянул баул в коридор. Теперь я могла как следует рассмотреть парня. Он был полный, кажущийся еще более грузным в идиотском ратиновом пальто с бобровым воротником. На дворе, правда, стоял октябрь, но теплый. Сегодня с утра градусник за окном показывал пятнадцать выше нуля. Редкая погода для столицы, золотая осень, «бабье лето»... Представляю, как бедняге неудобно в зимнем одеянии. Мало того, что вошедший был в пальто, так еще и в шапке-ушанке, более уместной в декабрьском Норильске, чем в октябрьской Москве...

– Поставь чемодан, – велела бабища, – и помоги мне раздеться.

Филипп грохнул жуткий саквояж и улыбнулся:

– Ой, у вас собачка, какая миленькая!

– Животные должны выполнять функции, данные им от природы, – отрезала тетка, разматывая черный шарф, – корова дает молоко, кошка ловит мышей, а собака обязана охранять двор, а не валяться на диванах!

– Папа, – с укоризной начал Филипп.

– Я тебе сорок лет папа, – отрезала баба, – а ну живо сними с меня пальто!

Я уставилась на них во все глаза. Эта тетка – мужик? Но в ту же секунду гостя сняла шляпу, и я увидела обширную

гладкую лысину. Когда тень от широких полей исчезла с лица этой особы, стало понятно, что она принадлежит к представителям сильного пола. Вернее, существо являлось женоподобным мужиком. Невысокий рост, абсолютно по-бабьи толстая фигура... У мужчин в почтенном возрасте отрастает живот, задница и ноги остаются относительно тощими. Это у женщин жир откладывается на спине и «мадам Сижу». Но у дядьки, недовольно развязывавшего ботинки, было тело как у нашей соседки Нюши с третьего этажа, просто не фигура, а мешок с арбузами. Зато лицо невозможно перепутать с женским: огромный, совершенно квадратный подбородок, крупный, бесформенный нос, из ноздрей которого торчали пучки седых волос, крохотные глазки непонятного цвета и тонкий, сжатый в нитку рот.

Когда мужчина наконец освободился от верхней одежды, по прихожей поплыл крепкий запах пота. Дюшка чихнула.

– Собака больна! – грозно поведал гость. – Отвратительно! Вы, надеюсь, в курсе, что у животных бывают жуткие инфекции!!!

Мое терпение лопнуло. Пнув ногой чемодан, я заявила:

– Дюша у себя в доме, а вас, между прочим, сюда не звали. Кстати, сейчас в Москве нет проблем с гостиницами. Можете оставить вещи и пойти на поиски подходящей!

Филипп покраснел и потянулся к пальто:

– Папа, она права, может, лучше...

– В этой жизни прав бываю только я, – отрезал папуля. –

Кругом одни идиоты, вот пусть и слушают умного, образованного, много пожившего человека!

Потом ткнул в меня корявым пальцем и осведомился:

– Насколько понял, ты – жена Олега?

Кипя от негодования, я кивнула.

– Не могу сказать, что очень рад, – вещал хам, – но делать нечего, придется знакомиться. Аким Николаевич Рыков, отец Олега и твой свекор.

От изумления я плюхнулась на отвратительно воняющий чемодан и пролепетала:

– Я думала, вы давно умерли...

Аким Николаевич сжал губы еще плотней, однако промолчал. Я же продолжала говорить от растерянности:

– Но Олег по паспорту Михайлович, и фамилия его Куприн...

Рыков налился свекольным цветом, но тут в прихожую вышли Томуся с Кристей.

– Это кто такие? – бесцеремонно поинтересовался приезжий.

– Моя подруга Тамара и ее дочь Кристина, – стала я знакомить его с домашними.

Но Аким даже не улыбнулся.

– Время позднее, девять уже, приличные люди спят у себя дома, оставьте нас, тут дело семейное, обсудить многое надо без посторонних!

Повисло молчание. Минуты через две я выдавила из себя:

– Мы живем все вместе, в одной квартире: Тома, Семен, Крися, Олег...

– Табором, значит, – пригвоздил папенька, – по-цыгански!

Мой взгляд упал на пульт сигнализации. Так, сейчас нажму «тревожную кнопку», и через десять, максимум пятнадцать минут сюда ворвется патруль со служебной собакой. Скажу им, что мужики не имеют ко мне никакого отношения, вошли обманом. Пусть их заберут в милицию да подержат немного в «обезьяннике», авось в разум войдут.

И потом, почему я должна верить этому невоспитанному мужику, если он называется Акимом Николаевичем Рыковым, а мой супруг Куприн, и в паспорте у него четко написано: Олег Михайлович, а?

Рука сама потянулась к штуке, похожей на старомодный выключатель, нет уж, пусть лучше в дело вмешается милиция... Но тут во входной двери заворочался ключ, и появился Олег, страшно довольный, с коробкой торта «Медовик» в руках. Увидав чемодан и гостей, муж вежливо произнес:

– Здравствуйте.

– Ты их не узнаешь? – обрадовалась я.

Олег принялся, сопя, стаскивать ботинки. Мой супруг мужчина крупного телосложения, к тому же большой любитель пивка, поэтому к своим сорока пяти годам нажил такую штуку, которую немцы называют «Bierbauch», а попросту «пивной живот». Иногда я пытаюсь посадить его на ди-

ету, но у муженька при виде очень полезного и низкокалорийного салатика из капусты делается такой несчастный вид, что моя рука сама собой тянется к холодильнику и вытаскивает жирную буженину.

– Так ты не знаешь этих людей? – радовалась я. Слава богу, это просто аферисты, невесть как добывшие наш адрес! Вот был бы кошмар, если бы папа Олега и впрямь оказался таким!

Муж выпрямился и сказал:

– Простите, вы не из Ставрополя? Из криминалистической лаборатории? Помнится...

– Немедленно прекрати паясничать, – рявкнул Аким, – какое хамство! Счастье, что Нина не дожила до такого позора. Я, между прочим, всегда говорил: человек, неспособный выучить стихотворение Пушкина «Пророк», никогда не добьется в жизни успеха!

Внезапно я увидела, как лицо Олега залила синева. Обычно его щеки и лоб, как у всех гипертоников, имеют слишком розовый оттенок, а в минуту гнева он и вовсе становится похожим на переваренную свеклу, но сегодня муж сравнялся по цвету с обезжиренным кефиром «Био-макс». Куприн лихорадочно полазил по карманам, вытащил очки, водрузил их на нос и потрясенно прошептал:

– Ты?

– Естественно, я, – фыркнул Аким. – У тебя что, несколько отцов? Имею в виду, конечно, родных, а не тех, которых

приводила Нина, получив свободу, которую она, естественно, решила использовать неправильно.

Внезапно Олег посинел еще больше и замогильным голосом произнес:

– Пройдите в гостиную, сюда, налево.

Аким Николаевич нахмурился:

– Нам с дороги требуется помыться, да и не ели мы ничего с утра, с трудом твой дом нашли. По справочной дали другой адрес, там какие-то людишки живут.

– Олег сдает свою квартиру, – сообщила Кристя.

– Когда взрослые разговаривают, дети молчат, – мигом отрезал Аким.

– Идите в комнату, – велел Олег и почти втолкнул папеньку в гостиную, захлопнув за собой поплотней дверь.

Мы уставились на Филиппа. Мужик поежился под нашими взглядами.

– Хотите чаю? – вежливо осведомилась Томуся.

– С превеликим удовольствием, – отозвался гость.

Мы прошли на кухню. Тamarочка быстро наполнила тарелку гостя ароматной свининой и печеной картошкой.

– Вы великолепно готовите, – благодарно пробормотал Филя с набитым ртом.

Тут только я увидела, что он до отвращения похож на Олега. Те же глаза, тот же нос и подбородок, только уголки рта у него стекали вниз, придавая лицу обиженное выражение. Отчего-то мне стало совсем не по себе.

– Извините, – пробормотала я, отодвигая чашку с чаем, – голова разболелась, пойду лягу.

Томуська бросила на меня быстрый взгляд:

– Конечно, Вилка, отдыхай.

Я пошла к двери.

– Ну и что привело вас к нам? – обратилась Тома к гостю.

Уже выходя в коридор, я услышала ответ мужика:

– Диссертацию приехал защищать, кандидатскую.

Господи, он ученый!

ГЛАВА 3

Олег вошел в спальню около полуночи и против обыкновения зажег верхний свет. Я отложила детектив и спросила:

– Он и правда твой отец?

– Увы, да, – раздраженно ответил муж, – сей субъект и впрямь поспособствовал моему появлению на свет. Честно скажу, этот факт не слишком меня радует.

– Но почему ты Михайлович и по фамилии Куприн?

Олег плюхнулся на кровать, с наслаждением потянулся и сказал:

– Вилка, ведь я никогда не рассказывал тебе о моей семье. Я кивнула.

– Так вот, теперь наберись терпения и послушай чуток.

Мать Олега, Нина Андреевна, разошлась с Акимом Николаевичем, когда сыну едва стукнуло тринадцать. Вернее, сыновей в семье было двое: Олег и Филипп. Второй был на пять лет младше брата и на момент разрыва между родителями едва успел отпраздновать восьмой год рождения. Когда отцу с матерью пришла в голову идея разъехаться, Олег вздохнул с облегчением. Жить с Акимом Николаевичем было невозможно.

Папенька работал в школе, преподавал русский язык и литературу. Профессия наложила неизгладимый отпечаток на его характер. Самая частая фраза, вылетающая изо рта Аки-

ма, звучала так: «Слушать меня, только я знаю, как правильно поступать».

Спорить с отцом в доме даже не пытались. По каждому вопросу он имел определенное мнение, железобетонное и непоколебимое. Спать следует ложиться в девять вечера, читать в кровати нельзя, лирика Пушкина – вершина русской поэзии, детей нужно воспитывать в строгости, иметь много денег стыдно... Причем постулаты произносились четким «учительским» тоном и сопровождались поднятием вверх указательного пальца.

– Ты хорошо меня понял? – вопрошал Аким. – Теперь повтори!

Отец никогда не прислушивался к чужому мнению, считая себя абсолютным авторитетом во всем. Лет в девять Олег понял, что папенька просто злобный неудачник, прикрывающий свою неспособность заработать деньги ложной принципиальностью. Больше ста сорока рублей Аким отродясь не получал. Многие педагоги пополняют семейную кассу, занимаясь репетиторством, но к Рыкову никто не хотел идти, слишком уж занудлив и противен был мужик. Семья жила, одевалась, питалась, ездила отдыхать на деньги матери.

Нина Андреевна крутилась, как белка в колесе. Она работала парикмахером, имела обширную клиентуру, не гнушалась бегать по домам... У Олега сердце сжималось от жалости, когда мамочка вваливалась домой, потная и запыхавшаяся, около одиннадцати вечера. Отец, оказывавшийся дома

не позже четырех, даже не выходил в коридор, чтобы встретить жену. Правда, он сам ходил за продуктами, считая, что супруга не умеет тратить деньги.

Дверь в самую большую комнату в их квартире была плотно закрыта. Сколько Олег себя помнил, папенька всем говорил, что пишет кандидатскую диссертацию о Пушкине. Именно поэтому Аким и создали все условия. Жена и два сына ютились в крохотной комнатенке, «диссертант» один занимал двадцать пять метров.

В двенадцать лет Олег сообразил, что отец врет. Никакого научного труда нет и не будет. Наверное, одновременно со старшим сыном это же поняла мать... Через год Нина Андреевна подала на развод.

Аким, смекнувший, что он может лишиться дармовой прислуги и жить ему придется на свой скромный оклад, попытался, как мог, помешать разрыву. Но Нина Андреевна натерпелась под завязку от мужа-«ученого» и довела начатое дело до конца. Ее не остановило даже то, что судья, смущенная велеречивостью Акима, присудила ему младшего ребенка. Собственно говоря, Филипп был совершенно не нужен отцу. Рыков думал, что угроза остаться без одного из сыновей отрезвит жену и вернет ее в лоно семьи, но Нина Андреевна закусил удила и сказала судье:

– Вот и хорошо. Двоих парней мне не поднять, пусть уж Филиппа Аким Николаевич до ума доводит.

Женщина разменяла квартиру. Бывшему муженьку доста-

лась отдельная однокомнатная жилплощадь, а Нине Андреевне комната в коммуналке, на которую ее сначала не согласились прописать с разнополым ребенком, но в конце концов недоразумение уладилось, паспортистки тоже хотят иметь красивую стрижку. Одним словом, свое четырнадцатилетие Олежек впервые встречал за праздничным столом в компании одноклассников. До сих пор в их семье ничего такого не отмечали.

– Деньги не следует тратить впустую, – вещал Аким.

О брате Олег не жалел, впрочем, Нина Андреевна тоже не слишком переживала отсутствие Филиппа. Ей наконец открылся мир. Она стала ходить в театр, кино, покупать себе новую одежду, косметику... И через какое-то время Олег с удивлением понял: мамочка-то молодая, красивая женщина... Потом судьба и вовсе повернула к ним лицо, сияющее улыбкой. В их коммунальной квартире было еще двое соседей: тихая пенсионерка Степанида Власьевна и спокойный мужик Михаил Куприн. Через год сыграли свадьбу.

Миша работал на обувной фабрике, попросту говоря, был сапожником, хотя в трудовой книжке его профессия называлась хитро: оператор-моторист второго класса. Но как ни назови, а суть одна: Куприн шил дамские туфли, кондовые и жуткие, как вся обувка, производившаяся в Советской России. О Пушкине мужчина имел слабое представление и диссертацию писать точно не собирался. Но только при нем Олег понял, что такое настоящий отец. Походы на рыбал-

ку, игра в футбол, воскресный день, проведенный под автомобилем... У Миши имелся старенький «Москвич», требующий постоянного внимания. А еще у Куприна оказались золотые руки, и он с упоением мастерил мебель, терпеливо объясняя Олегу, как правильно держать рубанок. Жену Миша обожал, мальчишку искренне считал своим сыном.

В шестнадцать лет, получая паспорт, Олег сменил фамилию на Куприн, а отчество на Михайлович. Вообще-то делать подобное было не совсем законно, но начальник паспортного стола давно искал непьющего человека, который бы сделал ремонт в его квартире. Миша за десять дней превратил «двушку» в пасхальное яичко, взял за труды... тридцать рублей. Благодарный милиционер выдал Олегу паспорт!

– И ты больше не встречал Акима? – спросила я.

– Нет, – покачал головой Олег. – Никогда, честно говоря, я думал, папенька давно покойник.

– Откуда же он взялся?

Муж вздохнул:

– До 1990 года он жил в Москве, в той квартире, что получил при разводе, вместе с Филей. Жениться он не собирался.

Но потом в Москве начался чуть ли не голод. Длинные очереди змеились за всем: от молока до гвоздей. Цены росли, зарплата стояла на месте... Аким перепугался и с дури женился на Анфисе, сельской жительнице, обладательнице дома и участка в двадцать соток.

– Так он теперь где живет?

– В ста километрах от столицы, в деревне Воропаево, – ответил Олег. – Преподает там в школе, хотя давным-давно вышел на пенсию.

– А за каким чертом он нам на голову свалился, у него же есть квартира в Москве, – злилась я.

Олег закурил:

– Ну жилплощадь он еще в девяностом продал, когда решил поближе к земле устроиться, боялся с голоду в городе помереть... А приехали они по важному поводу. Филя собрался защитить диссертацию.

– Господи, да по какой науке?

– Филя – ветеринар, – пояснил Олег, – работает на селе, коровы, козы, поросята, те же собаки... В Ветеринарную академию приехал.

– А зачем папеньку прихватил?

Муж развел руками:

– Я так понимаю, что Аким его окончательно под себя подмял...

– Но почему к нам?

– У них никого в столице нет, гостиницы дороги. Кстати, они сегодня весь день мой адрес искали, – ответил муж. – Еле-еле добрались.

– И надолго?

Супруг тяжело вздохнул:

– Не знаю. Завтра Филя поедет в академию, и вечером

услышим об их планах.

– Черт знает что, – прошипела я, – только свекра с деверем мне не хватало, или с шурином, я никогда не знала, как точно называется брат мужа. Хорош отец, который даже адреса любимого сына не знает! Почему мы должны их тут терпеть?

– А что делать? – пробормотал Олег, вытягиваясь на одеяле. – Выгнать вон? Как-то совесть не позволяет!

Я встала, приоткрыла окно, вдохнула прохладный, сырой ночной воздух и сказала:

– Только имей в виду, я не буду пресмыкаться перед этими субъектами...

Супруг молчал.

– И хамство терпеть тоже не стану!

Олег не издавал ни звука. Я повернулась и увидела, что муж крепко спит поверх одеяла, забыв снять брюки и свитер. Неожиданно мне стало жаль его, злость испарилась. Я аккуратно стянула с Олега штаны, но, попробовав вытащить из-под стокилограммового тела одеяло, потерпела неудачу. Накрыла его пледом, захлопнула окно, выключила свет и улеглась на свою половину кровати.

В конце концов, родителей не выбирают.

– Вилка, – прошептала Тома, тихонько приоткрывая дверь, – ты спишь?

– Еще нет, – тоже шепотом ответила я.

– К телефону подойдешь?

– Кто это? – удивилась я, влезая в халат.

– Какая-то Марья Михайловна, – пожала плечами Тома.
Я схватила трубку:

– Слушаю.

– Бога ради, Виолочка, извините за столь поздний звонок, – прозвучал голос бабушки Никиты Федулова, – вы, наверное, уже легли...

– Нет, нет, – поспешила я возразить. – Все в порядке. Что-то случилось?

Марья Михайловна вздохнула:

– Да уж, хуже не бывает. Леночка в морге, а Павлик в тюрьме...

Я удрученно молчала. А что тут скажешь? Молчание затянулось. Пожилая женщина всхлипывала. Наконец она справилась с рыданиями:

– Виолочка, дорогая, извините, но вам придется теперь ездить ко мне, в Кузьминки, правда, дом прямо у метро. Никиточка и слышать не хочет о другой учительнице. Кстати, я ему пока ничего не сказала про Леночку, пусть думает, что мама просто заболела. Как считаете, это правильно?

– Не знаю, – растерянно пробормотала я, – может, вы и правы, зачем ребенку такой стресс! Хотя все равно ведь придется когда-то объяснить...

– О господи, – снова заплакала Марья Михайловна, – ну за что? Кому она помешала?

– Успокойтесь, – попыталась я утешить бабушку, – вам нельзя так нервничать, еще Никиту надо на ноги ставить.

Павла-то небось судить будут, мальчик у вас останется...

Неожиданно Марья Михайловна деловито сказала:

– Виолочка, боюсь, десять долларов мне теперь не по карману. Честно говоря, пока я не слишком представляю, на какие средства мы будем существовать с Китом.

– Ста рублей за урок вполне достаточно, – быстро ответила я. – Впрочем, могу работать в долг, расплатитесь, когда сумеете, мне не к спеху.

– Сто рублей мне по силам, – обрадовалась Марья Михайловна. – Вот спасибо так спасибо, и еще...

Она замолчала.

– Говорите, говорите, – приободрила я ее, – я постараюсь для вас все сделать!

– Понимаете, – снова принялась вздыхать Марья Михайловна, – у Никиточки с собой нет никаких сменных вещей, у меня здесь только пижамка и домашний костюмчик. Не могли бы вы завтра с утра подъехать на квартиру к Леночке и взять его вещи?

– Пожалуйста, – ответила я, – только как я попаду внутрь?

– Там с восьми утра будет женщина, Лида, – пояснила бабушка, – она вам откроет, я предупрежу ее.

– Ладно.

– Спасибо, ангел мой, – прошептала Марья Михайловна. – Понимаю, что глупо, но я просто не могу войти в эту квартиру, ноги не идут...

– Конечно, конечно, – поспешила я успокоить ее, – мне

совсем не трудно.

– Вещи уже сложены в такой довольно большой чемоданчик из крокодиловой кожи, темно-коричневый, – пустилась в объяснения бабушка, – он стоит у них в кладовке, между шкафами, извините, но он, кажется, заперт, просто для того, чтобы не открылся случайно. Лена собиралась завтра отправить Никиту со школой во Францию. Да только теперь нам не до поездок.

ГЛАВА 4

Утром я звонила в квартиру к Федуловым. Дверь распахнулась сразу, словно женщина специально поджидала меня у порога. Полная, в резиновых перчатках и спортивном костюме, она моментально сказала:

– Вы Виола! Хозяйка вас очень точно описала!

Я вошла в знакомую прихожую и принялась расстегивать ботинки.

– Идите так, – велела Лида, – все равно мыть.

Я покосилась на ее резиновые перчатки. У Лены работала в прислугах интеллигентная дама лет пятидесяти, Ольга Львовна, бывшая преподавательница химии, волею судеб поменявшая класс с учениками на ведро с тряпкой. Эту же бабу я вижу впервые. Странно, однако, Марья Михайловна говорила, что нуждается и не может платить мне десять долларов, а наняла прислугу...

– Вы теперь будете тут убирать? – поинтересовалась я у Лиды.

Та улыбнулась.

– Нет, только один день. Я не простая домработница.

– Да? – я из вежливости поддержала разговор. – А какая?

Терпеть не могу людей, которые корчат из себя бог знает что. Если стоишь в чужой квартире с веником и совком, то, как ни называйся, суть одна. Поломойка она и есть поломой-

ка. Я в своей жизни только и делала, что возила тряпкой по комнатам и коридорам. Ну и что? Но Лида, очевидно, стесняется своего занятия, да она не одна такая!

Видели когда-нибудь в метро, при входе на станцию, у касс бумажку: «Требуется оператор для работы в зале на машине»? Долгое время я никак не могла сообразить, на каком таком автомобиле предлагается разъезжать по станции и при чем тут оператор? Мне что, дадут видеокамеру? В действительности же оказалось, что это просто объявление о найме уборщицы. А машина – такая серая штука с бешено крутящимися внутри щетками, которую следует толкать перед собой, оставляя сзади мокрую полосу свежепомытого мрамора...

– Вот, – продолжала Лида, – возьмите визитку, вдруг когда понадобится, не дай бог, конечно!

Ничего не понимая, я взяла карточку и уставилась на цифры и буквы: «Лидия Ковригина, уборка квартир и офисов после террористических актов, убийств и аварий».

– Это чья? – глупо поинтересовалась я. – Ваша?

Лида хихикнула:

– Конечно.

– Так вы моете...

– После преступлений, – пояснила женщина. – Знаете, родственникам-то не слишком приятно. Вот вчера кабинет уделали, жуть! Кровищи везде! Все стены, пол и даже на потолок попало. Здесь-то сегодня чисто, подумаешь, чуть на

стол натекло, ерунда! А что, правда, будто тут совсем молодую убили?

Я подавила легкую тошноту.

– Да.

– Вот горе, вот горе, – запричитала Лида, но глаза ее горели любопытством.

Никакой жалости к погибшей Лене уборщица не испытывала, ну да это и понятно.

– Где же находите клиентов? – поинтересовалась я.

– В «Из рук в руки» объявления печатаю, визитки раздаю, иногда сама предлагаюсь. Прочитаю в «Московском комсомольце», кого где убили, и звоню...

Внезапно тошнота опять подступила к горлу, и я пошла в кладовку за чемоданом.

Элегантный саквояж из крокодиловой кожи нашелся там, где и говорила Марья Михайловна. Я попыталась поднять его и охнула. Маленький на вид баульчик оказался очень тяжелым. С трудом оторвав его от пола, я пошла к двери.

– Уходите? – весело спросила Лида.

– Да, – ответила я.

– Ну счастливо вам, – улыбнулась уборщица, – визитку мою не потеряйте, вдруг пригодится.

– Типун вам на язык, – обозлилась я и ушла.

Марья Михайловна не обманула. Ее дом, самая обычная пятиэтажка из желтых блоков, стоял в двух шагах от станции «Кузьминки». На небольшом пятачке шумел рынок. Я обо-

гнула полосатые палатки и вошла в подъезд.

Марья Михайловна открыла дверь и мигом заплакала, увидав меня с саквояжем в руках. Я растерянно пробормотала:

– Ну, ну, успокойтесь.

– Проходите, Виолочка, на кухню, – сморкаясь в платочек, сказала хозяйка. – Оставьте чемоданчик вот тут, около вешалки.

– Он тяжелый, – сказала я, – давайте отнесу к Никите в комнату.

– Спасибо, – вежливо отозвалась Марья Михайловна. – Ничего, пусть пока тут постоит!

Мы двинулись на кухню. Хозяйка извинилась и ушла. Из ванной послышался шум воды. Я села на стул и огляделась. Большое помещение, метров двадцать, было обставлено самой простой, отечественной мебелью. И плита, и холодильник оказались здесь советскими, купленными небось еще в 70-е годы. Такие кухни у большинства малообеспеченных москвичей. Удивила меня только кубатура помещения, обычно в «хрущобах» пятиметровые пищеблоки. Наверное, Марья Михайловна в свое время разбила стену между крохотной кухонькой и прилежащей к ней комнатой.

Честно говоря, узнав в свое время от Лены, что ее мать – художница, я очень удивилась. Больше всего Марья Михайловна была похожа на бабушку Красной Шапочки. Полноватая, совершенно седая, со старомодной укладкой... Косме-

тикой дама не пользуется, парфюмерией тоже, впрочем, иногда от нее пахнет совершенно старомодными духами «Клима», новинкой шестидесятых годов фирмы «Ланком». И теперь можете представить, что подобная мадам рисует странные мистические картины сродни офортам Гойи или полотнам Босха?

Увидев впервые натюрморт, на котором изображались давленные фрукты, слегка подгнившие и грязные, горкой уложенные внутри человеческого черепа, я долго не могла поверить, что сие творение принадлежит Марье Михайловне. Такая бабуся, если уж она взялась за кисть, должна выписывать зайчиков, козликов и собачек, на худой конец полевые или садовые цветочки... Кстати, Марье Михайловне всего шестьдесят три года, я высчитала, что Леночку она родила очень поздно, в сорок, а уже в пятьдесят шесть стала бабушкой. Но выглядит она на все семьдесят с гаком. Впрочем, насколько я понимаю, ей совершенно наплевать на производимое впечатление, она не из тех людей искусства, кто делает косметические подтяжки.

Вот и сейчас она просто умылась и не стала ни пудрить лицо, ни красить губы. Мы пили кофе.

– Ума не приложу, – вздыхала бабушка Никиты, – как теперь жить? Бедный Павлик, я понимаю, он хотел заработать, связался с наркотиками... Господи, ну почему молодым все сразу надо? Я же живу спокойно в этой квартире? Нет, подавай им хоромы шестикомнатные, элитный автомобиль, заго-

родный дом... Вот теперь буду продавать Леночкину квартиру. Надо Никиточку поднимать, да и Павлику передачи носить.

– Разве вы можете реализовать жилплощадь? – удивилась я. – Лена же только-только умерла. Должно пройти, по-моему, полгода!

– Эта квартира, – спокойно ответила художница, – куплена и приватизирована на мое имя.

От удивления я разинула рот.

– Правда?

Марья Михайловна печально улыбнулась:

– Павлуша-то все время с законом играл. Вы знаете, чем он занимался?

Я растерянно пробормотала:

– Вроде торговал продуктами, Леночка говорила, у него контейнеры на рынках стояли, конфеты, зефир, мармелад...

Марья Михайловна с жалостью посмотрела на меня:

– Виолочка, вы и впрямь полагаете, что, отвешивая карамельки, можно заработать на апартаменты, в которых они жили, и на безбедное существование?

Я окончательно перестала понимать, что к чему.

– Но вы же только что сказали, будто квартира ваша?

– Павлик боялся, – пояснила бабуся, – что рано или поздно попадет в поле зрения правоохранительных органов, вот и сделал так, что конфисковать у него нечего. Квартира записана на тещу, дача на жену, автомобиль тоже Леночкин...

Павлик у нас почти бомж, прописан у своей матери. А сватья моя, уж извините, пьяница запойная, описывать там нечего: две тарелки да кружка... Так что я теперь хочу продать квартиру, да только...

Она замолчала.

– Что-то не так? – спросила я.

– Павлика арестовали дома, – пояснила Марья Михайловна. – Обыск провели и забрали документы на жилье. Конечно, никакого права этого делать не имели, Лена сразу заявила следователю, что они живут у меня... Только он теперь откровенно хамит. Я позвонила ему и попросила вернуть договор купли-продажи, без него риелторские агентства даже разговаривать не хотят! Так этот идиот ответил: «Мы еще посмотрим, на какие денежки все приобреталось!»

Марья Михайловна, не будь дура, мигом проконсультировалась у адвоката. Тот объяснил, что волноваться не надо. Во-первых, квартира не подлежит конфискации, а во-вторых, документы обязаны вернуть... Старуха мигом донесла до следователя эту информацию. Тот процедил сквозь зубы:

– Вот сейчас освобожусь и отдам договор.

Только противный мент неуловим. По телефону разные голоса отвечают:

– Уехал.

– Еще не появился.

– Уже ушел.

– Вернется завтра.

Одним словом, ясно, мужик делает все возможное, чтобы досадить Марье Михайловне.

– Самое обидное, – объясняла старушка, – что нашелся покупатель, но он торопится и ждать не станет! Ума не приложу, как поступить, денег совсем нет, в кошельке копейки.

– Хотите, дам в долг? – предложила я.

– Ну что вы, – замахала руками бабушка. – Не надо, и так обременила вас без меры.

– Знаете, – сказала я, – могу попробовать вам помочь. Как фамилия следователя и в каком он отделении сидит?

– Волков, – мигом ответила Марья Михайловна, – Волков Андрей Семенович, с Петровки. А как вы поможете?

Я вздохнула. Ни Лена, ни Павлик, ни тем более бабушка Никиты не знают ничего о моем семейном положении. Я стараюсь меньше рассказывать о себе, да и, честно говоря, людям все равно, кто супруг у наемной репетиторши, главное, чтобы дети вместо двоек начали приносить по крайней мере тройки! С одной стороны, мне ужасно хочется помочь Марье Михайловне, но, с другой, будет лучше, если информация об Олеге останется «за кадром».

– У одного моего ученика папа работает на Петровке, – бодро соврала я.

Марья Михайловна умоляюще сложила руки:

– Виолочка, попросите, вдруг поможет? Ведь следователь не отдает договор из вредности...

– Дайте мне телефон, – попросила я.

Трубку снял Юрка.

– Это Виола Тараканова, – представилась я.

– Боже, как торжественно, – хихикнул приятель.

– Скажите, Олег Михайлович на работе?

– Ты белены объелась? – поинтересовался Юрасик.

– Нет, – продолжала я изображать постороннего человека. – А вы, Юрий, знакомы со следователем Волковым Андреем Семеновичем?

– С Андрюхой?

– Да.

– Конечно, а что случилось?

– Вы разрешите мне подъехать?

Юрка заржал:

– Давай, дуй по-быстрому.

– Ждите моего звонка, – велела я бабушке и побежала к метро.

Комната Олега была заперта, у Юрки же сидела какая-то тетка в серой грязной куртке. Увидав меня, он серьезно сказал:

– Входите, Виола Ленинидовна.

Тетка тревожно повернулась к двери и спросила:

– Это кто?

– Не волнуйтесь, Анна Марковна, – вежливо забубнил Юра, – Виола Ленинидовна наш сотрудник, из 12-го отделения.

Я села за свободный стол.

– Ну продолжайте, – велел Юрка.

Тетка забормотала:

– Спать не могу, есть тоже. Молоко в холодильнике мигом скисает, и газету приносят не такую!

Юрка слушал этот бред с непроницаемым лицом.

– Иногда газ под дверь пускают, – горячилась Анна Марковна, – но хуже всего излучения, так голова болит.

– Если я правильно понял, – уточнил Юра, – инопланетяне мучают вас давно?

– Да уже несколько лет, – пожаловалась баба.

– Вы очень правильно сделали, что пришли к нам, – одобрил ее Юрасик.

– Значит, вы их арестуете? – радостно воскликнула тетка.

– Нет, – ухмыльнулся Юрка, – одних заберем, другие завяжутся. Сделаем лучше. Дам вам одну штуку...

Он замолчал, тетка уставилась на него и подозрительно спросила:

– Какую?

Юрка вытащил из ящика стола маленькую коробочку, больше всего похожую на пластмассовую мыльницу. Из нее торчали две палочки, соединенные проволокой.

– Что это? – поинтересовалась баба, осторожно взяв «прибор».

– Биопогаситель чужеродных излучений и агрессивных волн, – на полном серьезе заявил Юрка. – Разработка секрет-

ного оборонного НИИ. Над этой штукой поломали головы десятки профессоров и академиков, сами понимаете, всем мы его дать не можем, лишь избранным, тем, кто много сделал для нашей Родины, вот как вы, например.

Баба дрожащим голосом поинтересовалась:

– А как он действует?

– Очень просто. Только услышите, что инопланетяне подлетают, нажимаете вот эту кнопочку и все. Ударная волна отбрасывает врагов.

– Спасибо, спасибо, – забормотала сумасшедшая, прижимая к груди «погаситель», – я знала, что наши доблестные органы помогут. Вы за Зюганова голосовали?

– Да, – соврал Юрка, вообще не ходивший на выборы.

– Дай я тебя, сыночек, поцелую, – взвыла психопатка.

Я закусила нижнюю губу, стараясь не разрыдаться от смеха. Наконец Юра вытолкнул посетительницу в коридор и со вздохом сказал:

– Ну прикинь, если я пропуск забуду, то меня не впустят в здание, а эти психи пробираются стаями!

– Что за дрянь ты ей дал? – удивилась я.

Юрка хихикнул:

– Ленька Медведев придумал. Его в университете психологии обучают, вот он и применил теоретические знания на практике. Психу-то бесполезно объяснять, что никаких инопланетян нет, а вся беда у него в голове. Вот и сконструировал Леня «прибор». Теперь просто кайф! Раньше по несколь-

ко часов сумасшедшие сидели, да еще потом драться лезли, когда понимали, что им не верят. А сейчас – «погаситель» в зубы, и все счастливы, расстаются с нами с поцелуями. У тебя-то что стряслось?

Я рассказала про Марью Михайловну и противного следователя Волкова.

– Андрюшка не вредничает, просто у него небось и впрямь времени нет, ладно, погоди...

Приятель встал, запер сейф, сунул ключи в карман и вышел. Я расстегнула куртку, некоторые действия настолько привычны, что выполняются человеком автоматически. Юра ни на секунду не сомневается в моей честности, но сейф захлопнул и «открывалку» унес. Кстати, мог бы чайку предложить!

Минуты текли томительно, наконец Юрка вернулся и протянул мне... шнурки, брючный ремень, кольцо-печатку и листок бумаги.

– Что это? – оторопела я.

– Сделай милость, отдай родственнице Федулова, – велел Юрка, – тут все по описи, кольцо из желтого металла, похожего на золото...

– А шнурки с ремнем при чем? – спросила я, вглядываясь в бумажку. Слава богу, вот он, договор купли-продажи...

– Положено, – возвестил приятель. – У всех отбирают.

Я молча сгребла вещи в сумочку.

– А где Олег?

– Оперативная необходимость, – загадочно сообщил Юрка.

ГЛАВА 5

Марья Михайловна встретила меня странно. Вернее, совсем никак не встретила. И мне пришлось минут десять звонить в дверь, прежде чем я заметила, что замок не заперт.

– Добрый день! – заорала я, громко хлопая дверью. – Марья Михайловна, вы где?

В ответ – молчание. Сказать, что мне стало страшно, это не сказать ничего. Только вчера в квартире у Лены меня встретила точь-в-точь такая зловещая тишина.

– Марья Михайловна, – завопила я так, что на хрустальной люстре зазвенели тоненько подвески, – отзовитесь!

Но ни звука не доносилось из комнат.

Еле-еле передвигая ноги, я добралась до гостиной, сунула голову в комнату и завизжала. Все шкафы были открыты. Постельное белье вперемешку с хрустальными бокалами и тарелками валялось на полу. Здесь же расшвырянные книги, видеокассеты, газеты... Со стола сдернута скатерть, подушки с кресел и дивана валялись в разных местах. Но самое страшное не это. У окна, под самым подоконником, лежал, разбросав руки, Никитка. Светло-серый свитер мальчика, его белокурые волосы, голубые джинсы, бежевый ковер, на котором покоилось безжизненное тело, – все было залито яркой бордовой жидкостью. Не помня себя, я вылетела на кухню, схватила телефон и срывающимся голосом выкрик-

нула:

– Юрка! Сюда, ко мне, скорей...

Марьи Михайловны дома не оказалось. Дикий бардак царил по всей квартире, нетронутой оказалась лишь кухня. Наверное, негодяи, убившие ребенка и похитившие бабушку, нашли то, что искали.

Я сидела на кухне и сжимала в ледяных ладонях чашку с обжигающим чаем. Горячая жидкость огнем прокатывалась по пищеводу вниз, но меня парадоксальным образом трясло все больше и больше.

Юрка с оперативниками ходил по квартире. Потом послышался вой сирены, лязг носилок и нервный голос:

– Капельницу не задирай так, быстро течет.

Я мигом кинулась в коридор. Никитка лежал на носилках, которые двое мужиков несли вперед головой, а не ногами. Третий шел сбоку, держа в руках пластиковый мешок, от которого тянулась тоненькая прозрачная трубочка, теряющаяся под одеялом, прикрывающим мальчика.

– Он жив!!! – обрадовалась я.

– Скорее нет, чем да, – раздраженно бросил доктор, и медики исчезли на лестнице.

– Почему ты не вызвала «Скорую»? – налетел на меня Юрка. – При таких ранениях исход решают минуты...

– Но, – забормотала я, – но я не думала... Полагала, что он мертв, столько крови.

Юрка разинул было рот, но тут сзади, от входной двери,

раздался бодрый голос Марьи Михайловны:

– Никиточка, детка, почему же у тебя дверь раскрыта? Сколько раз говорила, запирай аккуратно, иди сюда, смотри, что я принесла...

Я онемела, Юрка сразу тоже не сообразил, как поступить. Художница вошла в прихожую. В правой руке она держала большую хозяйственную сумку, в левой два шоколадных яйца.

– Ники... – начала она, но, увидав меня, осеклась. – Виолочка? Слава богу, это вы. А то уж я испугалась, кого Кит выпустил. Ну как съездили?

Я растерянно протянула ей договор:

– Вот.

Марья Михайловна поставила кошелку и сказала:

– Ну спасибо, неужели...

Тут из гостиной высунулся фотограф и крикнул:

– Юрка, я тут все отщелкал.

– Что здесь происходит? – прошептала художница.

– Только не волнуйтесь, – начал Юра, – лучше пойдем на кухню, там сесть можно...

– Никиточка... – прошептала Марья Михайловна, – Никиточка...

– Он остался жив, – быстро сообщила я. – Только крови много потерял, на «Скорой» увезли.

Не говоря ни слова, женщина закатила глаза и опустилась на пол.

– Веня! – заорал Юрка.

Из гостиной выскочил парень, руки которого были обтянуты тонкими резиновыми перчатками.

Юра затолкал меня на кухню и с укоризной сказал:

– Ну ты даешь, Вилка. Знаешь анекдот, как полковник вызывает к себе сержанта и велит тому сообщить рядовому Петрову о смерти родителей?

– Нет, – буркнула я мрачно, – самое время сейчас веселиться.

Но Юрка, словно не услышав последней фразы, спокойно продолжал:

– В общем, поставил полковник перед собой сержанта и приказывает: «Ты там поделикатней действуй, все-таки родные люди погибли». Ну сержант выстроил солдат и как гаркнет: «Эй, ребята, у кого отец с матерью живы, два шага вперед! А ты, Петров, куда прешься? Ты у нас со вчерашнего вечера сиротой стал!»

– Ты это к чему? – поинтересовалась я.

– Да просто так, – хмыкнул Юрка, – здорово с бабкой разобралась: жив пока, много крови потерял...

У Марьи Михайловны я просидела до позднего вечера. Милиция ушла где-то в районе семи. Но мне стало жаль старушку. Она с потерянным видом сидела на диване и повторяла:

– За что? Господи, за что? Павлик, Леночка, Никита... За что?

– У вас ничего не пропало? – осторожно поинтересовалась я. – Деньги, драгоценности...

Марья Михайловна покачала головой:

– Пенсию унесли, сережки золотые, два кольца и шубу каракулевую. Видно, что нашли...

– Почему же Никитка впустил грабителей? – недоумевала я.

– Он такой ребенок, – снова заплакала бабушка, – небось и не посмотрел в глазок, распахнул дверь, и все.

Я оглядела дикий беспорядок, царивший в комнате.

У меня Никита всегда спрашивал: «Кто там?» Ни разу не помню, чтобы он просто открыл дверь...

Марья Михайловна дрожащей рукой взяла пузырек с валокордином и принялась отсчитывать резко пахнущие капли.

Дзынь, дзынь – раздалось из прихожей.

– Виолочка, – прошептала женщина, – откройте, сделайте милость!

Я подошла к двери, посмотрела в глазок, увидела высокого, худощавого мужика и бдительно поинтересовалась:

– Вам кого?

– Марья Михайловна дома? – весьма вежливо ответил незнакомец. – Скажите, Вербов пришел, Максим Иванович.

Услыхав имя мужчины, бабушка Никиты изменилась в лице, но попросила впустить Вербова, а когда я, решив оставить ее с гостем наедине, собралась отправиться на кухню,

замахала руками:

– Нет, Виолочка, останьтесь, у меня от вас тайн нет.

Максим Иванович оглядел разгром и с изумлением спросил:

– Что тут произошло?

Марья Михайловна вновь схватилась за валокордин, а я вкратце обрисовала гостю ситуацию. Тот пришел в ужас:

– Бедный мальчик, представляю, что вы пережили!

Старушка качала головой и ничего не говорила, повисло молчание, прерываемое только тяжелым дыханием мужчины. Потом он осведомился:

– Ну, надеюсь, мои деньги целы?

Марья Михайловна залилась слезами.

– Грабители небось узнали...

Максим Иванович растерянно протянул:

– Вы хотите сказать, что вся сумма...

Внезапно Марья Михайловна отшвырнула в сторону мокрый скомканный носовой платок и прошипела:

– Из-за этих проклятых бумажек убили мою дочь и почти уничтожили внука...

Мужчина испуганно ответил:

– Да, конечно, извините...

Старушка вновь принялась судорожно всхлипывать.

– Вам, наверное, лучше сейчас уйти, – тихо сказала я, – Марья Михайловна пережила слишком большой шок.

– Понимаю, – ответил гость, – действительно...

Проводив Максима Ивановича до двери, я осторожно спросила у бабули:

– О каких деньгах идет речь?

Старушка вздохнула:

– Я брала в долг у Максима Ивановича большую сумму, целых десять тысяч...

– Долларов?

– Ну что вы, рублей, конечно, ремонт делала. Потом у меня картину купили, вчера, утром. Ну я и договорилась, что Вербов сегодня придет... Совсем про него забыла, а тут такая штука произошла! Естественно, денег нет! Они лежали вон там, в шкафу, совершенно открыто, их никто не прятал... Теперь надо снова собирать... Господи, еще эти вещи разбросанные на место класть и в гостиной мыть...

Я вздохнула:

– Придется вам опять Ковригину Лиду звать, вроде она хорошо справляется с подобными поручениями...

Следующие два дня я просидела дома, стараясь не сталкиваться с гостями, но в среду вышла на кухню около одиннадцати и застала там Акима Николаевича, пившего чай. Увидав меня, свекор сжал губы, превратив их в «куриную жопку»:

– Однако спишь ты до обеда!

Я молча включила чайник и открыла холодильник. Какой толк объяснять хаму, что у детей с сегодняшнего дня нача-

лись осенние каникулы, и они временно прекратили заниматься немецким языком.

– На кухне грязь, – продолжал Аким. – Собака линяет, повсюду шерсть валяется. Кошка орет ночь напролет, да еще около часа какой-то мужик вломился ко мне в комнату, зажег свет и, не извинившись, ушел. У вас всегда такой бардак?

– Это Семен, муж Тома, – я решила все же прояснить ситуацию. – Он не знал, что вы приехали.

Аким крикнул и собрался дальше занудничать, но тут в кухню вошел Филипп с портфелем в руках.

– Уходишь? – грозно осведомился папенька.

– На кафедру, – пояснил Филя, – надо кое-какие бумаги оформить.

– Надень пальто и шапку, – велел Аким.

Филя подошел к балконной двери и глянул на улицу.

– Вроде там тепло, только дождик моросит, пойду в плаще.

– Пальто и шапку, – каменным голосом повторил отец. – Как ты смеешь меня позорить? Явишься в Ветеринарную академию, словно бомж! Скажут, приехал из деревни! Тоже мне, кандидат наук, да у него одежды приличной нет.

– Прямо взмок вчера, – попробовал вразумить папеньку мужик. – Просто взопрел весь!

– Взопрел, – передразнил Аким, – взопрел! И это мой сын! По-русски говорить так и не научился! Отвратительно! Либо ты отправляешься в город в достойном виде, чтобы люди обо

мне худого не подумали, либо сидишь дома. Взопрел!

– Хорошо, – кивнул Филя и пошел в прихожую, я за ним.

Глядя, как мужик покорно влезает в ратиновое пальто с огромным, почти до пояса, воротником-шалью из бобра, я еще промолчала, но, когда он собрался натянуть на голову страхолюдскую шапку, сшитую из неизвестной зверюги, не выдержала:

– Оставь это, лучше накинь плащ. Или хочешь, дам тебе куртку Олега?

– Папа рассердится, – тихо ответил Филя и пошел к лифту.

– Хоть шапку сними, – посоветовала я.

Филипп непонимающе уставился на меня:

– Зачем?

– Так жарко тебе, вон уже пот по вискам течет.

– Папа обозлится!

– Господи, – всплеснула я руками, – тебе сколько лет? Не можешь его послать куда подальше?

– Не буду я из-за ушанки с отцом ругаться, – пробубнил Филя. – И вообще, пар костей не ломит. К тому же папа прав: надо прилично выглядеть!

– Вот-вот, – ехидно отозвалась я. – А сейчас ты похож на идиота! Да в конце октября люди с непокрытой головой ходят!

– Папа рассердится, – тупо повторял Филипп.

Я окончательно вышла из себя:

– Как только очутишься на улице, сунь кретинскую шапчонку в пакет, а пальто расстегни. Ходи так весь день, а вечером, когда вернешься домой, водрузи на голову этот апофеоз скорняжного мастерства. Двух зайцев убьешь. Сам от перегрева не скончаешься, и папенька останется доволен! Филипп замер с открытым ртом, потом потрясенно сказал:

– Мне подобное решение не приходило в голову.

– Ты никогда не обманывал папеньку?

– Как-то не нужно было до сих пор, – пожал плечами ветеринар.

Потом он стащил ушанку, сунул в портфель и протянул:

– И впрямь так лучше, а то еще не вышел во двор, а уже взопрел!

Лифт, скрежеща железными частями, заскользил вниз. Я пошла домой. Лиха беда начало, глядишь, Филя в человека превратится. День потек своим чередом. Пришла с работы Томуська, она работает в школе на продленке. Вешая пальто, подруга сказала:

– Представляешь, какие гадкие люди встречаются.

– Что случилось? – спросила я.

Тома расправила пальто, я ахнула. Не так давно мы вместе с ней купили это шикарное одеяние из тонкой шерсти. Стоил свингер дорого, но нас привлек трапециевидный фасон. Мы решили, что он хорошо прикроет ранней весной ее округлившийся живот. К тому же наряд светло-песочного цвета очень шел ей, ткань была уютной, мягкой, пальто хотелось

носить, не снимая. Но теперь, похоже, его придется выбросить.

Сзади, на спине, змеилось несколько длинных разрезов, сделанных, очевидно, бритвой, а сверху был просто выхвачен лоскут ткани.

– Как это случилось?! – воскликнула я, осматривая вонец испорченную вещь.

– Не знаю, – пожала плечами Тома, – в метро входила в полном порядке. Наверное, в вагоне хулиган попался!

– И ты ничего не почувствовала!

– Нет.

– Он же к тебе прикасался!

Томочка печально улыбнулась:

– Час пик, все толкаются... Но это точно кто-то в вагоне, потому что, только я вышла на нашей станции, ко мне сразу женщина подошла со словами: «Дама, вам сзади пальто порезали».

Я не нашла что сказать, только пробормотала:

– Не расстраивайся, другое купим, сейчас с вещами проблем нет.

Тома вздохнула:

– Оно так, но только пальто это мне очень нравилось. Знаешь, давай его сразу выбросим, чтобы Сене на глаза не попало, а то станет нервничать, расстроится...

В этой фразе вся Томуська. Нет бы о себе подумать, представляю, какой концерт закатила бы Лерка Парфенова, слу-

чись с ней подобное происшествие! Но Томуся права, ни Сене, ни Олегу, ни Кристине, ни тем более гостям не надо рассказывать о досадной неприятности. Завтра же поедем за обновкой.

Я быстренько сбегала во двор и развесила на заборе, возле мусорного бачка то, что еще недавно было элегантным свингером. Впрочем, кому-то и сейчас вещь понравилась, потому что, когда спустя два часа я вышла гулять с Дюшкой, возле помойки валялись только скомканные бумажки.

Около девяти Тамара спросила:

– Кристина говорила тебе, куда пойдет вечером?

– Нет, – удивилась я, – думала, ты в курсе.

– Ну куда она могла подеваться? – взволнованно воскликнула Тома, и тут, словно отвечая на ее вопрос, зазвонил телефон.

– Виолу позовите, пожалуйста, – пропел мягкий мужской голос.

– Слушаю.

– Ох, извините, бога ради, – завел парень бархатным баритоном, – я очень виноват перед вами! Наверное, вы волнуетесь, куда подевалась Кристя?

– Есть немного, – ответила я. – А вы кто?

– Отец ее одноклассницы Вики Мамонтовой, Сергей Петрович, можно просто Сергей, – охотно отозвался баритон. – У Вики сегодня день рождения, я отвез сначала девочек в «Макдоналдс», потом в кафе-мороженое, а затем вернулся к

нам. И тут, каюсь, я не напомнил ей о звонке домой, а Кристия начисто забыла сообщить, где она, теперь боится, что станете ругать...

– Спасибо, – с облегчением вздохнула я, – вот негодница, ну-ка дайте ей трубочку.

– Ну не портите девочке хороший день, – рассмеялся Сергей.

– Уже поздно, Кристине пора домой.

– Я сегодня улетаю за границу, – пояснил Сергей, – поеду в Шереметьево по Ленинградскому проспекту, вас устроит подойти на площадь Эрнста Тельмана? Привезу туда Кристину часа через полтора...

– Прекрасно, – обрадовалась я. – Это недалеко от нашего дома, всего пара остановок на метро. Ровно в пол-одиннадцатого буду ждать вас возле палатки «Русские блины», только как мне узнать вашу машину?

Сергей расхохотался:

– Кристина-то вас узнает! Я гудну и фарами поморгаю.

– Что там? – поинтересовалась Томочка, видя, что я закончила разговор.

Узнав, в чем дело, подруга сказала:

– Надо купить Кристе мобильный. Знаешь, есть такие дешевые аппараты, называются «коробочка Би+». Очень удобно, позвонил и не нервничаешь.

Я промолчала. Иногда Томуськина патологическая незлобивость доводит меня до бешенства. На мой вкус, следует

не «телефонизировать» Кристю, чтобы она хвасталась среди подружек мобильником, а наподдать ей как следует по заднице! Ведь сидит в гостях уже давно и не подумала позвонить домой.

Ровно в десять тридцать я заняла позицию у будки «Русские блины». В тот же момент одна из машин, припаркованных за железной оградой, коротко гуднула и заморгала фарами. Я подошла к бордюру, перелезла через заборчик, увидела старенькие, разбитые, жутко грязные «Жигули», открыла переднюю дверь, села в салон и сказала водителю, молодому парню, с виду лет тридцати трех:

– Добрый вечер, Сергей.

Шофер улыбнулся:

– Рад встрече.

Я обернулась на заднее сиденье.

– Ну, Кристя, и тебе не стыдно?

В ту же секунду слова застряли в горле. Салон оказался пуст, никого, кроме меня и Сергея Мамонтова, в автомобиле не было.

ГЛАВА 6

– Где Крестя? – возмутилась я. – Вы Сергей, отец Вики?

Парень нажал какую-то кнопку, раздалось громкое «щелк».

– Нет, – ответил он потом, – не Сергей и не отец Вики.

– Простите бога ради, – сказала я, – вышло дурацкое недо-
разумение, у меня тут, на площади, назначена встреча с че-
ловеком, который обещал поморгать фарами... Я перепута-
ла автомобили.

Одновременно с извинениями я потянула на себя ручку,
но дверца не открылась. Парень преспокойно закурил и за-
явил:

– Нет, Виола, вы попали по адресу.

– Где Крестя? – возмутилась я. – Что за дурацкие шутки?

– К сожалению, дорогая, все очень серьезно, – ответил во-
дитель и пустил мне в лицо струю дыма.

Не знаю, что возмутило меня больше: словечко «до-
рогая», брошенное свысока и как-то снисходительно, или
омерзительный запах сигары, которую наглец держал, как
шариковую ручку, большим и указательным пальцами.

– Где Крестя? – повторила я, дергая не желавшую откры-
ваться дверцу.

– Оставьте ее в покое, – резко сказал шофер. – Выход за-
блокирован, выйти без моего разрешения вы не сможете.

– Где Кристина?

Водитель вытащил мобильный, потыкал в кнопки и буркнул:

– Покажи.

Внутри стоящей рядом иномарки вспыхнул свет, потом задняя дверца приотворилась, и я увидела внутри Крестю, живую, здоровую и, похоже, совсем целую.

Через мгновение дверка захлопнулась, свет погас, я уставилась в окно. Ничего не различить, жуткая темнота.

– Девочка в полном здравии, – вновь выпустил клуб дыма парень, – пока!

– Что значит пока? – прошептала я. – Кто вы такие, имейте в виду, мой муж...

– Служит на Петровке, – хмыкнул мерзавец, – ну и что, сильно он помог Тамаре? Оградил ее от неприятностей в метро? А теперь подумай головой: пальто порезали бритвой, и твоя сестрица ничего не заметила, а ведь могли и шилом ткнуть в давку, раз – и нет Тamarочки, много ли ей надо...

– Так это вы изуродовали пальто... Зачем?

Водитель вновь затянулся. Я жадно разглядывала его. Густые белокурые, совершенно есенинские волосы непослушными прядями падали на большой чистый лоб. Красивые темно-голубые глаза смотрели без всякой злобы, правильной формы нос украшал породистое лицо. Рот капризно изгибался, кожа была смуглая, что странно для блондина, хотя небось он ходит в солярий. В целом парнишка был хорош,

как конфетный фантик.

– Выслушай меня, – процедил он, – внимательно. Девчонке никто не собирается делать плохо. Убивать, отрезать пальцы и уши, насиловать... Уволь, я не любитель подобных мероприятий...

– Как тебя зовут? – поинтересовалась я.

Мужик секундно глянул на меня немигающим взглядом и сообщил:

– Монте-Кристо.

Я глубоко вздохнула. Было глупо думать, что он представится, как жених в загсе. Хотя небось у мерзавца кипа фальшивых документов, удостоверяющих личность.

– Что ты хочешь от меня?

– Полмиллиона, – спокойно отозвался Монте-Кристо.

– Чего? – спросила я.

– Да уж не пробок от пивных бутылок, долларов, естественно!

Я попыталась сохранить спокойствие и делано рассмеялась.

– Уважаемый Монте-Кристо, насколько я понимаю, вы промышляете киднепингом, не стану осуждать сей способ зарабатывания денег, хотя любой бизнес должен приносить доход, иначе зачем им заниматься? Но в данном случае вы сработали зря. Конечно, отец Кристины – бизнесмен, издатель, владелец газеты, но полмиллиона долларов у него нет. Что же касается меня, то...

– Кончай мочалку жевать, – заявил Монте-Кристо, – мы все про вас знаем, даже то, из какой тарелки твой муженек любит суп хлебать...

– Из какой? – изумилась я.

– Из белой с синими полосками и золотым ободком, – выплюнул Монте-Кристо мне в лицо, – поэтому отдавай деньги, получай девку – и все, кончай базар...

– Какие деньги!!!

– Те, что взяла у Лены Федуловой.

– Кто, я?

– Ты, ты. Полмиллиона гринов, которые Ленка хранила, испарились, как сон.

– Но почему ты решил, что доллары взяла я?

– Больше некому, – рявкнул парень, – имей в виду, лучше не шути с нами. Отдай, и разбежались. Знаю, что у тебя просто в зобу дыхание сперло, когда пачки увидела. По-человечески я это очень хорошо понимаю, ну не удержалась, с кем не бывает... Никто тебя наказывать не собирается, просто верни бабки, и делу конец.

– Я ничего не брала!

– Ой ли!

– Клянусь жизнью!!!

Монте-Кристо хлопнул рукой по рулю, «жигуль» резко гуднул. В рядом стоящей иномарке вновь вспыхнул свет и приоткрылась дверца. Стали видны бледное личико Кристи и рука, сжимавшая чудовищно большой пистолет, пристав-

ленный к виску девочки. Жуткие видения тут же исчезли, потом в иномарке вновь воцарилась темнота.

– Так чьей жизнью ты клянешься, – спросил Монте-Кристо, – ее?

У меня наступил полный паралич, я почти онемела, вместо членораздельной речи выдавила из себя какое-то мычание.

– Значит, слушай, – удовлетворенно заявил негодяй. – Мы все знаем. Ленка хранила деньги, полмиллиона в баксах, не свои. Ей их просто вручили для дальнейшей передачи. Ты сперла всю сумму.

Я только качала головой и пыталась сказать:

– Нет-нет.

– Да, моя дорогая, – ласково шелестел Монте-Кристо. – Говорю же, мы все знаем, тебя видели с долларами, перестань корчить дурочку.

Я почувствовала, что сейчас упаду в обморок. В машине стоял тяжелый запах дорогого сигарного табака, от Монте-Кристо несло ароматом какого-то мужского парфюма, да еще на зеркальце болталась «елочка», источавшая невероятное зловоние, суррогат запаха зреющих кокосов.

– Слушай внимательно, – продолжал Монте-Кристо, – даем тебе срок десять дней. Вот и думай, что лучше, отдать нам денежки или...

– Или что... – прохрипела я, чувствуя, как к голове подбирается боль, – или что...

– Молодец, – одобрил Монте-Кристо, – всегда следует представлять последствия своих поступков. Ежели ты решишь, что денежки лучше не отдавать, тогда...

Словно актер МХАТа, он выдержал паузу. В наступившей тишине было слышно, как из моей груди вырывается прерывистое дыхание.

– Тогда, дорогая, – спокойно закончил мерзавец, – ты выбрала всем судьбу. Кристину оставим в живых, отправим на Ближний Восток, в публичный дом. Хотя, по мне, лучше умереть, чем обслуживать потных извращенцев, Тамару придется убить, впрочем, Олега и Семена тоже. Делается это просто, раз – и нет. У нас имеется чудесный снайпер, прошел Чечню. Полный отморозок, но попадает в десятикопеечную монету. Кто там у тебя еще есть? Собака? Кошка? Вот живи потом и радуйся. Сама умолять станешь денежки взять. Поняла, дорогуша?

– Не брала я ничего, – заплакала я, – честное слово, ну поверь, ошибка вышла.

Монте-Кристо поморщился:

– Давай без фальши... Актриса из тебя фиговая. Еще скажи спасибо, что мы приличные люди, даем десять дней на раскачку. Другие бы и разговаривать не стали, пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайчик мой, никакая Петровка не поможет. Все это ерунда насчет круглосуточной охраны... Тебя, да вообще всех, как тараканов, передавить можно, усекла?

Я тупо кивнула, ощущая, как голову начинает стягивать

тугой обруч.

– Молодец, – одобрил Монте-Кристо, – значит, ровно через десять дней, в праздник, стоишь тут, возле памятника, с денежками...

– В какой праздник? – невольно удивилась я.

Монте-Кристо широко улыбнулся:

– Десятого ноября День милиции, радостный момент для всех ментов, небось у вас дома стол накроют, ну там водочка, шампанское... Ежели в одиннадцать тридцать вечера деньги не окажутся у меня в руках, то...

– Что? – шепнула я. – Что?

– Ничего, – пожал плечами негодяй. – Тебя не тронем, муки совести хуже телесных страданий.

Проговорив последнюю фразу, он вытащил мобильный и бросил в трубку:

– Вперед.

Иномарка, стоявшая рядом, мигом заурчала мотором и исчезла за поворотом. Монте-Кристо нажал кнопку на передней панели, раздался резкий щелчок.

– Ступай себе, – велел мерзавец. – Но имей в виду! За тобой следят, стукнешь муженьку – прирежем беременную, убежишь за границу с денежками – пристрелим девчонку.

– У меня нет денег, – тихо повторила я, наваливаясь всем телом на дверцу, – понимаю, что ты не веришь, но их нет! Монте-Кристо хрюкнул:

– Я вовсе не настаиваю на том, чтобы ты вернула именно

те купюры, что сперла. Продай что-нибудь и принеси пол-миллиона!

– Даже если я останусь голой и босой на улице, не наскребу этой суммы!

– Ладно, – слегка повысил безукоризненно ровный тон мерзавец, – ты мне надоела. Счетчик включен, срок пошел, десятого ноября в 23.30, толковать больше не о чем!

В ту же секунду он со всей силы толкнул меня. Дверца неожиданно распахнулась, я вывалилась наружу, прямо на грязную, покрытую октябрьской слякотью дорогу, стукнувшись спиной о бордюрный камень, а головой о железный заборчик.

«Жигули», взвизгнув колесами, резко стартовали и встроились в поток машин, который, несмотря на поздний час, несясь по Ленинградскому проспекту. Комья грязи полетели в мою сторону. Я сидела в луже, заляпанная жирной, черной жижей. Потом кое-как поднялась на ноги, добрела до будки «Русские блины» и, плюхнувшись на красный пластмассовый стульчик возле круглого столика, попыталась привести мысли в порядок. Мужчина, который с аппетитом ел горячий блинчик, покосился на меня, потом встал и, бросив недоеденный блин в помойку, быстрым шагом ушел. Из палатки высунулась девчонка в красном фартуке и такой же косынке.

– Иди отсюда, – злобно сказала она, – всех покупателей распугаешь, бомжа чертова!

Я покорно встала, дошла до памятника и присела на гранитный цоколь в основании монумента. Чуть поодаль, на подстеленной картонке, спала баба в отвратительно воняющем пуховике. Из прорех куртки в разные стороны торчали клочки то ли синтепона, то ли ваты. Честно говоря, я выглядела не лучше.

Неожиданно пошел мелкий противный дождь. Я вытащила из кармана упаковку бумажных носовых платков и принялась вытирать лицо и руки. По мере того, как кусочки бумаги делались черными, в мыслях светлело.

Меня воспитывали в так называемой неблагополучной семье. Папенька, желая купить очередную бутылку, спер кошелек и попал на зону. Честно говоря, после того, как его посадили, нам с Раисой стало только лучше, потому что папулька нажирался каждый день, как... Впрочем, достойного сравнения я подобрать не могу. Ни один из представителей животного мира не способен был нажраться до такой степени, как мой папахен. Раиса, слава богу, употребляла только два раза в месяц, зато ее никогда не было дома, мачеха постоянно работала, стараясь добыть денег...

Поэтому лет с четырех я была предоставлена сама себе. Никто не кормил меня обедом, не заставлял мыть руки, не просил надеть шапочку, шарфик и носочки, не пел песенки на ночь и не целовал разбитые коленки. Годам к семи я поняла: окружающий мир жесток, каждый в нем сам за себя, и если я не научусь справляться с неприятностями сама, то

просто погибну, потому что ждать помощи не от кого.

Наверняка поэтому я считаю, что безвыходных положений не существует. Следует только слегка пораскинуть мозгами, и в конце темного тоннеля появится тонкий луч света. Ну сумела же я в шесть лет выбраться в деревне из горящего сарая, а провалившись в семь лет под лед на пруду в парке, вылезти на берег? В конце концов, после смерти дяди Вити и тети Ани я научилась самостоятельно зарабатывать деньги совершенно честным путем. Хорошо, это были мизерные средства, но я не плакала, не стонала, не просила в долг! Нет, просто, стиснув зубы, взяла ведро и швабру... Неужели я сейчас спасую перед обстоятельствами?

Ледяной дождь заливал за воротник, но мне было жарко. Наконец решение было принято. Десять дней! За этот срок я обязана отыскать того, кто спер полмиллиона у Лены Федуловой, и заставить его отдать денежки Монте-Кристо. Мерзавец не шутил, он и впрямь ни перед чем не остановится. Скорей всего его люди и обыскали квартиру Марьи Михайловны. Небось выждали, когда старушка отправится в магазин, вскрыли дверь. Любой, даже очень хороший замок сдается без боя парню, умело обращающемуся с отмычкой... Зашли в квартиру, думая, что Никита еще в школе... Но Марья Михайловна оставила внука дома. Наверное, мальчик начал кричать, побежал к телефону... Вот мерзавцы и убили его. Вернее, подумали, что убили. Перерыли все, ничего не нашли и отчего-то решили, будто вор, польстив-

шийся на чужие деньги, – это я. Изрезали пальто Тамаре, похитили Кристину. Даже узнали, что у нас есть собака и кошка, да и Олег действительно любит есть суп только из одной тарелки... Вот уж эта информация откуда?

Десять дней! Всего десять!

Я резко встала и чуть не упала, почувствовав, до какой степени онемели ноги. Никто не поможет, не на кого рассчитывать, придется все делать самой. Негодяи и впрямь следят за семьей!

Увидев меня, Тамара всплеснула руками:

– Вилка, ты купалась в болоте?

Я улыбнулась:

– Почти. Стояла на проспекте, а тут на дикой скорости мимо пролетела иномарка, обдала грязью, я отшатнулась назад, поскользнулась и упала прямо в лужу!

– Иди скорей мойся, – велела она. – А где Кристя?

Я отвернулась к вешалке и радостно сообщила:

– Уж извини, с тобой не посоветовалась... Завтра начинаются каникулы, Вика Мамонтова пригласила Кристю к себе на дачу, у них теплый загородный дом. Они обе так просили меня согласиться, да и родители Вики упрашивали... В общем, я решила за тебя, пусть едет. Что ей в городе делать, а так на свежем воздухе...

– Ну и правильно, – одобрила Томочка, – но как же без вещей?

Я махнула рукой:

– Ерунда, зубную пасту и щетку мы сейчас купили в ларьке, а завтра утром я передам Викиному отцу сумку со шмотками, он мимо площади на работу поедет!

– Отлично, – сказала Томочка, – давай скорей в ванную, не ровен час, простудишься.

Я вошла туда, закрыла дверь на задвижку и уставилась на блестящий кран. Тamarочка никогда не врет, в ее жизни не было постыдных тайн, которые нужно скрывать от окружающих. Будучи патологически честным человеком, подруга совершенно искренне уверена в том, что все окружающие люди говорят правду! В конце концов, мы подозреваем других только в том, на что способны сами.

Я очень редко обманываю Тамару, и у меня все-гда возникает неприятное ощущение, словно я обвожу вокруг пальца пятилетнего малыша, обещаю конфету, а протягиваю пустой фантик... Но сегодня совершенно особый случай, я не могу рисковать жизнью нерожденного младенца...

Резкий звук заставил меня вздрогнуть. Дюшка, заливаясь лаем, ринулась в прихожую. Монте-Кристо! Передумал и прислал киллеров!

– Не открывай! – Я вылетела из ванной и бросилась за собакой. – Не открывай!

Но Томочка уже гремела замком.

– Стой! – орала я. – Стой!

Тома с недоумением глянула на меня и в то же мгновение легко распахнула дверь. Вместо парня в камуфляжной фор-

ме и шапочке-маске, сжимающего в твердой руке пистолет с глушителем, на пороге показалась Лера Парфенова с дорожной сумкой в руках.

ГЛАВА 7

– Что случилось? – спросила Тома.

Лерка истерично зарыдала:

– Все, хватит, натерпелась. Меня просто со свету сживаю! Больше не вернусь к ним!

Одновременно вопя, смеясь и икая, она вдвинулась в прихожую, швырнула сумку в угол, чуть не пришибив ставшую неповоротливой из-за объемистого живота Дюшку, плюхнулась на стул и, картинно прижимая руку к груди, простонала:

– Сердце! Умираю!

Томочка, у которой случаются приступы ужасной болезни с красивым названием «мерцательная аритмия», перепугалась и рысью понеслась на кухню за валокордином.

Я окинула Лерку ледяным взглядом и поинтересовалась:

– Ты отдаешь себе отчет, который час? Взгляни на будильник, полночь давно пробило!

– Мне плохо, – кривлялась Лера, – у меня инфаркт.

Мое терпение лопнуло, словно воздушный шарик, налетевший на иголку.

– Хватит паясничать! Между прочим, сердце у людей находится слева, а ты держишься за правую сторону! Мой тебе совет, спусти ладонь пониже и ври всем, что у тебя приступ холецистита. Кстати, можешь пойти к Семену в кабинет, там имеется анатомический атлас, очень полезная вещь для си-

мулянта.

– Какая ты жестокая, – зарыдала Лера в голос, – несправедливая, злая... – Но руку все же убрала...

– На, выпей, – Томуська сунула Парфеновой чашку.

Лерка тревожно спросила:

– Что это?

– Цикута, – фыркнула я.

– Что? – изумилась глупая Лера.

– Яд, которым отравился Сократ, – пояснила я, – пей, должно помочь. Нет жизни, нет и горя.

– Вот видишь, – захныкала Парфенова, хватая Тому за руку, – видишь, Вилка меня ненавидит, это ужасно...

– Давай я тебе постелю, – предложила та, – только извини, раскладушку придется поставить на кухне.

– Почему? – Лерка мигом перестала лить слезы. – У вас комнат мало? Целых две пустые.

– Там уже живут, – начала Тома, но закончить не успела. В коридор выглянул Филя и, увидав незнакомую женщину, вежливо сказал:

– Здравсти! Вот услышал шум, подумал, может, помочь чем!

– Странно, однако, что папенька еще не призвал нас всех к порядку, – съехидничала я.

Неожиданно Филя широко улыбнулся:

– А он на ночь снотворное пьет, из пушек пали – не разбудишь!

Лерка утерла глаза и, кокетливо улыбнувшись, спросила:

– Так, значит, это из-за вас меня на кухне спать положат?

– Почему? – оторопел не слишком понятливый Филя.

– Потому что вы расположились в комнате, – растолковала ему Лерка, – устроились с комфортом, хотя, честно говоря, лучшие условия должны быть предоставлены мне, женщине с больным сердцем, а не вам, мужчине, вполне здоровому с виду!

Она окинула Филю оценивающим взглядом и добавила:

– Даже излишне здоровому!

Несчастный ветеринар стал похож на спелый гранат.

– Вы правы, я с удовольствием уступлю вам место, а сам перейду на кухню. Собственно говоря, мне все равно, где спать, хоть в туалете.

– Ты там не поместишься, – рявкнула я, – даже если обернешься вокруг унитаза. Сейчас уже поздно, завтра все решим, ничего, с Лерки не убудет – один денек возле плиты перекантоваться!

Глаза Парфеновой начали медленно наливаться слезами.

– Только не плачьте! – окончательно перепугался Филя, и началось великое переселение народов.

Сначала мы раскрыли раскладушку и минут пятнадцать выясняли, где ее лучше установить: у одной стены или у другой. На мой взгляд, проблема не стоила выеденного яйца, но Лерка, Томуська и Филя сделали из незначительного действия целую проблему и с пеной у рта спорили, не собираясь

уступать друг другу.

– От балкона дует, ты простудишься, – вещала Тома, всегда желающая помочь другим, – тебя прострел хватит.

– Лучше здесь, около входа, – гнул свое Филя, – люблю спать у двери.

– Ни за что, – с жаром воскликнула Лерка, – а если кто захочет ночью водички попить? Как через тебя лезть?

– Хватит, – сказала я. – Филя не собирается провести на кухне остаток жизни, речь идет о нескольких часах!

Потом Томуля перестилала белье, а Парфенова, страдальчески морщась, ныла:

– Нет ли еще матрасика? Бросьте на диван, а то утром всю спину заломит!

Чертыхаясь сквозь зубы, я достала для нашей принцессы на горошине матрас с антресолей и ушла к себе. Ни Олега, ни Семена не было дома, хотя стрелки часов подбирались к двум ночи. Хорошо, что мы с Томуськой патологически не ревнивы...

Наплевав на чистку зубов и умывание, я вытянулась на кровати, закрыла глаза и, чувствуя, как гудят ноги, начала медленно проваливаться в зыбучий песок сна.

Бум! – донеслось из-за двери. Пол задрожал, создалось впечатление, что кто-то швырнул на пол мешок с цементом. Послышались чьи-то возгласы. Недоумевая, что могло случиться, я выскочила в коридор, добежала до кухни и увидела Филю, лежащего на полу в руинах раскладушки. Рядом сто-

или причитающие в голос Томуська и Лерка.

– Боже, ты ушибся! – восклицала подруга.

– Такой тяжелый день, – ныла Парфенова, – я только задремала, ну какого черта ты меня разбудил!

– У этой складной штуки дно разорвалось, – удрученно пробормотал ветеринар. – Не понимаю отчего!

– Оттого, – пояснила злобно Лерка, – что ты вешишь, как былинка, сто пятьдесят килограммов.

– Всего сто двадцать, – уточнил Филя, – ну да не беда, на полу посплю. Уж извините, завтра куплю вам другую раскладушку.

– Не надо, – отмахнулась я, – эта давно на помойку просилась!

– На пол нельзя ложиться просто так, – бормотала Тома, – можно застудиться насмерть. Давайте снимем с антресолей матрас.

– Он у Лерки на диване, – напомнила я.

– Даже и не думайте, – взвизгнула Парфенова, – я не могу спать на жестком.

– Ничего, ничего, – кряхтел Филя, вставая на ноги, – не беда, не надо никакой подкладки, подстелю свое зимнее пальто, оно толстое, и всех делов!

Болезненная дружелюбность мужика взбесила меня до белых глаз. Чувствуя, что невероятная злоба сейчас вырвется наружу, как пар из скороварки, я, стиснув зубы, чтобы не дай бог не сказать окружающим то, что о них думаю, чеканным

шагом сходилa в комнату, сбросила прямо на пол Леркино одеяло, подушку и простыню, стащила матрас, принесла его в кухню и увидела всю компанию, сидящую на корточках в углу.

– Вы собрались нести яйца? – окончательно озверела я, слушая, как часы в кабинете у Семена торжественно бьют три часа.

Господи, покоя в этом доме никогда нет, и куда подевались наши мужья?

– Тише, – прошептала Тома, поворачивая ко мне бледное личико. – Дюшка рождает.

Матрас вывалился у меня из рук. Не понос, так золотуха.

– Ничего, – бодро заверил Филя, – справимся. Несите сюда электрическую грелку, чистую простыню, кипяченую воду...

Мы с Томуськой забегали, словно тараканы, вспугнутые ярким светом, Лерка плюхнулась на стул и заныла:

– О, какой стресс, мое сердце может не выдержать такого испытания...

– Заткнись, – велела я.

Но Парфенова только пуще завелась, услышав мой сердитый тон.

В семь утра мы стали обладателями двенадцати щенков, здоровых и бойких.

– Куда нам столько? – растерянно поинтересовалась Тома, глядя, как новорожденные, отпихивая друг друга, сосут

мать.

– Так потопить можно, – с жестокостью селянина ответил Филя. – Двух оставить, а остальных в сортир.

– Нет! – заорали мы с Томкой.

– Дело хозяйское, – спокойно согласился ветеринар и отправился в ванную мыться.

Парфенова и Тамара, подняв за углы матрас, на котором, словно падишах, возлежала усталая Дюшка с потомством, поволокли счастливую мать в спальню к Томе.

Я осмотрелась. Кухня выглядела словно картинка из видеоряда телевизионных новостей. У одной стены вконец испорченная раскладушка с мятой грудой белья, возле другой окровавленные тряпки, бинты, клочья ваты, измазанная простыня...

– Что случилось? – прокрипел Аким, входя в кухню. – Чем ночью занимались? Человек должен проводить в постели восемь часов! Сон до одиннадцати ночи крайне полезен! Утром следует вставать без пятнадцати семь! Да отвечай наконец, почему тут повсюду кровь!

Я посмотрела в его омерзительное лицо и ухмыльнулась:

– В полночь приехал отец Семена, свекор Томы, так же неожиданно, как и вы...

Аким непонимающе моргал глазами.

– Так мы решили, что одного зануды-дедушки нам вполне хватит, – как ни в чем не бывало продолжила я.

– О чем это ты? – спросил Аким.

– Мы лишнего свекра убили и расчленили, – улыбнулась я. – Всю ночь мучились, жилистый очень.

Учитель разинул рот, потом выдавил:

– Где Филя?

– Мешок с расчлененкой повез, хочет в реке утопить. – Я завершила фразу и вышла в коридор.

Вы не поверите, но Аким Николаевич молчал, дядьку удалось заткнуть.

Где-то около десяти утра мне посчастливилось наконец-то остаться дома одной. Сначала, безостановочно жалуясь на тяжелую жизнь, умелась Парфенова.

Вам ни за что не догадаться, где служит Лерка. Она психолог в консультации «Семья и брак». Представляете теперь, какие советы по налаживанию супружеской жизни дает эта дама?

Филя и Аким ушли в неизвестном направлении, а Томуська понеслась в магазин «Марквет», чтобы приобрести для новорожденных щенят специальную смесь. У несчастной Дюшки не хватит молока на такую ораву вечно голодных детей. Я заварила чашечку восхитительного цейлонского чая и уставилась в окно, задавая себе извечные русские вопросы: что делать и кто виноват?

Примерно через полчаса напряженных раздумий я пришла к выводу, что вора следует искать среди близких знакомых Лены. Ну посудите сами. Когда мы с Никиткой поднимались в мастерскую, Леночка закрыла за нами дверь. Впро-

чем, ее могли открыть отмычкой, но я слышала, как с шумом задвинулась щеколда. А когда мы вернулись назад, дверь была приоткрыта. Ну да это и понятно. Замки у Федуловых не захлопываются, это очень дорогие изделия фирмы «Аб-лоу», запирающиеся только при помощи особых, «сейфовых» ключей...

Очевидно, убийца был слишком взволнован, чтобы искать связку, и убежал. И о чем это говорит? Только об одном. Несчастливая Леночка великолепно знала того, кто хотел войти в квартиру, и еще, она совершенно не боялась этого человека, провела его к себе в спальню...

Схватив телефонную книжку, я стала названивать Марье Михайловне, но слышала лишь долгие гудки... В квартире явно никого не было. Делать нечего, поеду так, вряд ли бабушка Никиты ушла далеко...

В метро было ужасно душно, и, выйдя в «Кузьминках», я с наслаждением вдохнула холодный терпкий осенний воздух. Первое ноября радовало москвичей солнечной погодой, только тепла от этого светила уже долго не дожидаться, наше полушарие медленно поворачивается к зиме.

Позвонив в квартиру, я села на подоконник и вытащила из сумки газету «Мегаполис». Посижу, подожду. Минуты текли и текли, мне стало холодно, но Мария Михайловна все не появлялась. Потом распахнулась дверь соседей, вышла молоденькая вертлявая девица в обтягивающих кожаных штанах и крошечной куртке с искусственным мехом. В свя-

зи со всяческими взрывами и терактами москвичи стали тотально подозрительными. Лет десять назад подобная девица не обратила бы на меня никакого внимания, но сейчас она нахмурилась и, запихнув жвачку за щеку, грозно поинтересовалась:

– Чего сидишь? Иди на улицу, тут не парк.

– Марью Михайловну жду, – мирно ответила я. – Вот пришла, а ее нет, куда она могла подеваться!

Девчонка подобрела и, запирая свою дверь, сообщила:

– Так она в больнице, забрали ее по «Скорой», вчера рано утром.

– Как же это? – растерялась я. – Почему?

Девица пожалла костлявыми плечиками:

– Ничего не знаю. Марья Михайловна утром, часов в девять, позвонила и попросила мою маму газеты из почтового ящика забирать. Сказала, что ее врачи увозят, а куда, почему-то не сообщила. Не ждите, она не придет...

Я вышла во двор. Так, задача усложняется. Марья Михайловна была единственным человеком, который мог рассказать о друзьях Лены. И что теперь делать? Обзванивать все бесчисленные столичные клиники? Жизни не хватит на это мероприятие, к тому же мне неизвестна фамилия старушки, Лена была Федулова по мужу. В полной растерянности я поехала назад, поднялась в квартиру, пошталась по комнатам и позвонила Юрке.

– Слушаю, – отозвался приятель. – Петров!

– Юрчик, – запела я, – а где Олег? Дома не ночевал, ни разу не позвонил...

– Не знаю, – протянул тот, – да ты не волнуйся, объявится. Кабы чего случилось, мигом бы узнали. У дурных вестей быстрые ноги!

– Юр, – продолжала я, – вот представь ситуацию. Дверь железная, замки «Аблоу», а ключ потерян, как поступить?

– Разве у вас «Аблоу»? – удивился Юрка. – По-моему, самый обычный, «английский», московского производства. К нему и ключа не надо, скрепкой открыть можно, дрянь, а не замок!

– Это не у меня! Подруга ключи посеяла!

– Ну тогда пусть МЧС вызывает.

Я тяжело вздохнула:

– Квартира не ее, она снимает, а хозяева уехали за границу.

– Да, – крикнул приятель, – в таком случае МЧС не поможет.

– Ну придумай что-нибудь! – взмолилась я.

Юрасик помолчал, потом спросил:

– Очень надо?

– До жути! – с жаром выкрикнула я.

– Перезвони через десять минут.

От радости я подпрыгнула и стала смотреть на часы. Когда большая стрелка подобралась к цифре «два», я вновь позвонила Юрке.

– Пиши телефон, – велел приятель. – Роман Силин, он ждет, скажешь – от меня.

Спустя полтора часа я стояла у двери в квартиру Лены, поджидая незнакомого Романа, способного открыть замок. Наконец за стеной заскрежетал лифт, и из кабины вышел щуплый паренек, почти мальчик.

– Это вы от майора будете? – вежливо спросил он.

Я ткнула пальцем в дверь:

– Вот, небось весь день провозитесь.

Роман окинул створку быстрым взглядом. Потом вытащил изо рта жвачку, залепил глазок на двери соседней квартиры, выудил из кармана нечто, больше всего похожее на кривые палочки, поперебирал их красивыми, аристократическими пальцами, сунул одну в скважину... Щелк, щелк. Та же операция была проделана и со вторым замком.

– Сезам, откройся, – бормотнул Роман и посоветовал: – Ключи больше не теряйте. Не во всякой мастерской дубликат сделают.

– Спасибо, – обрадовалась я, – сколько я вам должна?

Парень хмыкнул:

– Ничего.

– Но, – растерялась я, – как же, вы время потеряли, ехали...

Мальчишка молча шагнул в лифт и исчез. Я проскользнула в квартиру и тщательно заперла дверь. Интересно, из какой передраги Юрка вызволил этого Романа, раз парень ки-

дается исполнять любое его поручение?

В коридоре царила нежилая тишина. Удивительное дело, стоит хозяевам уехать или, того хуже, умереть, в их квартире мигом появляется совершенно особая атмосфера. Я просто кожей ощущала, что в этом доме никого нет. Отчего-то мне стало страшно. Умом я понимала, что войти сюда никто не сможет. Лена мертва. Павел в тюрьме, Марья Михайловна и Никита в больницах... Но потом вдруг вспомнила, как легко, играючи Роман открыл отличные замки, и быстро задвинула огромную, тяжелую щеколду.

Через два часа стало понятно: денег в квартире нет. Пол-миллиона долларов – это довольно большая по объему куча. Если деньги в банкнотах по сто баксов, то получится пачек пятьсот. Впрочем, говорят, выпускаются купюры по тысяче гринов. Я-то такие никогда не видела, и если сумма состоит из этих ассигнаций, то их всего-то пятьсот штук. Но внутренний голос мне подсказывал: нет, денежки самые обычные, сотенные...

У Федуловых имелся сейф, в спальне, за зеркалом. Один раз мы с Никиткой играли в «записочки», мальчик сунул туда для меня «сюрприз» и долго смеялся, когда увидел, как я непонимающе смотрю на зеркало. Потом Никита открыл «страшную тайну» – код замка: год его рождения.

Я прошла в спальню, набрала нужные цифры и устояла в пустое пространство: ничего. Тяжело вздыхая, я взяла ключи, висевшие в прихожей на крючке, поднялась в ма-

стерскую и обыскала чердак. Никакими деньгами там и не пахло. Впрочем, в спальне Лены на трюмо небрежно валялся элегантный кошелек из змеиной кожи. Внутри нашлись триста долларов, две тысячи рублей и куча дисконтных карт. Но это были единственные деньги, обнаруженные мною в квартире Федуловых.

Устав от бесплодных поисков, я прошла на кухню, заварила чай, отыскала в холодильнике слегка подсохший сыр, пачку масла, достала из шкафчика крекеры и, сделав себе пару бутербродов, взяла телефонную книжку и начала обзвон.

ГЛАВА 8

Номеров оказалось не слишком много. Я действовала просто, начав с буквы «а». Не успевал голос произнести «Алло», как я мигом говорила:

– Здравствуйте, беспокоит домработница Лены Федуловой, мне поручено сообщить вам о трагической смерти хозяйки...

Кое-кто охал, кто-то не проявлял ни интереса, ни сочувствия. Вплоть до буквы «к» я нарывалась на совершенно разных людей: парикмахершу, массажистку, мойщицу окон, бывшую няню Никиты, несколько раз отвечали: «Магазин» или «ресторан».

Но в этих точках никто не слышал о Федуловой. Приближался конец книжки, настроение становилось все хуже. Наконец я добралась до фамилии «Кленова» и устало сказала ответившей женщине заученную фразу.

– О боже, – воскликнула та, – нет! Неправда, что за чушь вы несете! Какая смерть! Ленке только двадцать три исполнилось!

– Вы ее хорошо знали? – осторожно поинтересовалась я.

– Господи, – донеслось из трубки, – конечно. Правда, последнее время мы созванивались реже, чем раньше, но Ленка моя подруга. Господи, скажите, что вы пошутили!

Я посмотрела еще раз в книжечку. Кленова Аня!

– Анечка, у меня для вас есть пакетик...

– Какой, от кого? – забормотала девушка.

– Лена просила вам передать, а мне все недосуг было, уж извините, можно сейчас привезу?

– Хорошо, – тихо сказала собеседница. – А что теперь будет с Никитой? Павел жив?

– Жив, – ободрила я ее, – вот приеду и расскажу.

В отличие от Лены, обитавшей в шикарной квартире, Анечка ютилась в огромной грязной коммуналке. Правда, расположена она была в самом центре, всего в нескольких шагах от метро «Смоленская», в тихом, каком-то сонном староарбатском переулке.

Лифта в шатающемся от ветхости доме не было и в помине. Лестница, когда-то мраморная, украшенная чугунными перилами художественного литья, теперь выглядела жутко. Кое-где отсутствовали ступеньки, а местные жильцы ухитрились отодрать от ажурных железок загогулилки и разбить почти все окна. Поэтому в подъезде стоял зверский холод. И вот что странно, несмотря на великолепную «вентиляцию», в воздухе висел «аромат» мочи и помойки.

Стараясь не дышать, я поднялась на второй этаж, очутилась перед огромной дверью из темного дерева и позвонила. Дверь распахнули без лишних вопросов. Полная, какая-то обрюзгшая женщина нервно выкрикнула:

– Вы Виола? От Лены? Идите сюда скорей.

Я вошла в темный коридор и поискала глазами вешалку,

но Аня, не предложив мне раздеться, быстрым шагом, почти бегом, кинулась в глубь казавшихся безразмерными апартаментов. Пришлось идти за ней прямо в ботинках и куртке.

Я никогда не жила в коммуналке. Невесть каким образом мой папенька, прибыв в Москву из деревни, получил собственное жилье, в «хрущобе», зато двухкомнатное. Правда, в самой большой комнате было всего четырнадцать метров, в кухню не влезал даже холодильник, а ванная, совмещенная с туалетом, не позволяла втиснуть в свое нутро не то что стиральную машину, а даже тазик с ведром, потолки висели буквально на голове, а когда Раиса купила новый диван, его пришлось разбирать, чтобы пропихнуть в дверной проем. Но это была отдельная квартира без дежурств по местам общего пользования и склок возле плиты. Кое-кто из моих одноклассниц проживал в коммуналках, и я хорошо знала, какие там царят порядки. Впрочем, даже если между соседями идеальные отношения, все равно иногда хочется одиночества...

Но таких комнат, как у Ани, я никогда не встречала. Потолок парил на высоте метров пяти, два огромных окна сияли осенним солнцем на одной стене, третье окно было напротив, на другой. Конца комнаты просто не было видно, а потолок покрывала лепнина с позолотой, правда, кое-где облупившейся и отбитой.

– Вот это да, – ахнула я, – царское великолепие!

– Раздевайтесь, – сказала Аня, указывая на прибитую в

углу вешалку, – из-за этой красоты одни мученья.

– Почему? – удивилась я, присаживаясь к столу. – Такая площадь, просто Колонный зал!

– Вот, вот, – вздохнула хозяйка, – нас тут пятеро живет: свекровь, свекор, мой муж, его младший брат и я. Дурдом просто, спим за ширмами, пошевелиться боимся... На учет не ставят! Метров-то в избытке, никакого права на бесплатную квартиру не имеем. А то, что у людей крыша от «семейного уюта» съезжает, никого не волнует, главное – количество «кубиков».

– У вас столько окон, – попробовала я дать совет, – за-просто можно несколько комнат сделать. Сейчас строители любые работы выполняют. Конечно, не слишком просторно получится, зато у каждого свой угол появится...

Аня дернулась и пролила на клеенку кипяток.

– У меня зарплата – горькие слезы, муж вообще на бирже стоял, а теперь гербалайфом торговать подался, свекровь – почтальон, свекор в НИИ сидит, даже на сигареты не зарабатывает, не всем же так везет, как Ленке!

Я с изумлением глянула на нее:

– Да уж, редкостное везение, убили в двадцать три года.

Но Анечка, так испугавшаяся страшного известия час тому назад, неожиданно проявила странную жестокость. Она пододвинула ко мне чашку с жидким кофе и заявила:

– Ну и что? По мне, так лучше прожить мало, но ни в чем себе не отказывать, а не так, как существуем мы.

Честно говоря, я слегка растерялась. Аня же, совершенно не смущаясь, спросила:

– Ну и что она велела мне передать?

У Лены в спальне на шкафчике стояло множество самых разных статуэток. Я прихватила, на мой взгляд, самую малоценную, изображавшую коленопреклоненную женщину с вытянутыми вперед руками. Скульптура была сделана из белого материала, скорее всего гипса, и стоила, очевидно, пять копеек в базарный день, даже странно, что женщина, обладавшая хорошим вкусом и образованием художницы, держала дома дешевую поделку.

– Вот, – протянула я Ане «красотку», – в понедельник Леночка попросила съездить к вам и передать статуэтку. Уж извините, опоздала...

Аня взяла фигурку и усмехнулась:

– Сказать ничего не велела?

Я развела руками:

– Нет.

– Ясно, – вздохнула Аня, – все ясно.

– Что? – не утерпела я. – Что вам ясно?

Аня поставила фигурку на стол и щелкнула по ней пальцем.

– Знаете, как называется эта вещь?

– Нет.

– В Музее изобразительных искусств бывали?

– Очень давно...

– В Греческом зале находится ее подлинник в рост человека, и называется работа неизвестного мастера «Мольба о прощении», – пояснила Аня. – Значит, Ленка все же поняла, как меня обидела, а извиниться самой духу не хватило, вот и подослала вас...

– Вы поссорились? – спросила я.

Аня пожала плечами:

– Нет, просто кошка между нами пробежала. Ленке ее деньги свет затмили.

– И все же что случилось?

– Вам какое дело? – грубо ответила Кленова. – Спасибо, что побеспокоились и принесли вещицу, но теперь прощайте, недосуг мне лясы точить...

Я посмотрела в ее нездоровое одутловатое лицо и тихим, но безапелляционным тоном заявила:

– Я забыла представиться – Виола, частный детектив.

Аня разинула рот:

– А говорили – домработница!

– Не хотела вас пугать, – улыбнулась я, – людей моей профессии не слишком любят.

– Что вам от меня надо? – зло осведомилась Аня.

Я поколебалась и ответила:

– У Федуловой дома хранились большие ценности, они пропали...

Аня напряглась:

– Вы что? Намекаете, будто я украла Ленкины побрякуш-

ки, да?

– Нет, – я поспешила исправить положение, – просто мать Федуловой, Марья Михайловна, наняла меня, чтобы отыскать убийцу, вот я и пришла к вам.

– Так вы считаете, будто я прирезала Ленку, – побагровела Кленова, – совсем сдурели, да?

– Вовсе нет, – рявкнула я, – мне просто надо узнать о том, сколько приятелей имелось у Лены. Ну устраивала же она дни рождения, встречу Нового года... Кто к ней ходил?

Аня слегка расслабилась:

– Не знаю.

Я обозлилась:

– Ну как вам не стыдно! Убили подругу, а вы даже рта не хотите раскрыть! Значит, пусть негодяй гуляет на свободе?

Кленова вновь щелкнула фигурку по голове.

– Мы поссорились.

– Из-за чего?

Внезапно Аня всхлипнула:

– Думаете, мне не жаль Ленку?

– Похоже, что нет, – жестко ответила я.

Собеседница принялась вытирать глаза лежащей на столе тряпкой.

– Очень жаль, мы дружили еще со школы, но только она меня обидела, а потом сделала вид, будто ничего не произошло... Вот я и перестала ей звонить, уже года два как...

– Да что между вами произошло?

Анечка тяжело вздохнула и завела длинный рассказ.

С Леной они познакомились в пятом классе, когда из обычных общеобразовательных школ перевелись в так называемую художественную, где обучались дети, собиравшиеся в дальнейшем стать живописцами.

Анечка сидела вместе с Леной за одной партой и частенько завидовала подруге. Шел 1988 год, подружкам было по одиннадцать лет. Кто помнит то время, знает – в тотальном дефиците было все: продукты, одежда, обувь, книги, мыло и туалетная бумага.

«Если вы пришли в гости и вымыли руки с мылом, то чай будете пить без сахара», – шутили неунывающие москвичи. Кстати, пачка чая «со слонем» или упаковка стирального порошка «Лотос» считались в те годы шикарным подарком. Я сама, придя на день рождения к Вальке Егоровой, презентовала той полкило сыра и две пачки «Вологодского» масла...

Но Леночка на большой перемене доставала из ранца бутерброды с удивительно вкусной «Докторской» колбаской, сделанной в спеццехе... И одежда у нее была отличная, и обувь. А главное, Леночка имела великолепную бумагу, качественные краски, изумительные кохиноровские карандаши и набор потрясающих кистей, о которых мечтали сами преподаватели.

Впрочем, ничего удивительного. Бабушка Лены, Ольга Сергеевна, заведовала ателье, причем не какой-нибудь районной пошивочной мастерской с леворукими закройщика-

ми. Нет, Ольга Сергеевна руководила предприятием, одевавшим партийную верхушку, сливки советского общества. Поэтому Леночка получала всегда все то, что хотела иметь Анечка.

В девятом классе пятнадцатилетняя Лена отчаянно влюбилась в паренька из социальных низов Павла Федулова. Отца у мальчишки не было, вернее, где-то он, конечно, существовал, но мать поднимала Павла одна. Впрочем, она не слишком старалась, а пила целыми днями.

Марья Михайловна, узнав о романе, разгоревшемся между ее дочерью и мальчиком, совершенно не подходящим ей ни по социальному статусу, ни по материальному положению, пришла было в ужас. Наверное, она хотела предпринять все, чтобы разорвать эту связь, но тут у Ольги Сергеевны случился инфаркт, и Марья Михайловна прочно осела в больнице, пытаясь выходить мать. Однако ни дорогие лекарства, ни отличная аппаратура, которой оборудована Кремлевка, не помогли. Ольга Сергеевна скончалась.

После поминок и похорон Марья Михайловна обратила свой взор в сторону дочери и чуть не скончалась сама. Пятнадцатилетняя Лена оказалась беременной.

Анечка, естественно, была в курсе всех событий. Более того, именно в ее комнате в отсутствие родителей и произошло грехопадение Лены. И опять Анята завидовала подружке. У нее-то самой никого не было, она даже не целовалась ни с кем ни разу, а у Лены – самый настоящий любовник и

жуткая страсть.

Надо отдать должное Марье Михайловне. Она выбрала единственный правильный путь поведения, позволивший сохранить с дочерью нормальные взаимоотношения. Женщина поселила Павла у себя, после родов сыграли тихую свадьбу, а школу Лена окончила экстерном, сдав разом все экзамены. Более того, Леночка оказалась в институте на год раньше Ани, и та опять завидовала. Ей предстояло еще целых девять месяцев ходить на ненавистные уроки, а подруга получила сразу все: ребенка, мужа и институт. Успокаивало только то, что супруг Ленки – абсолютно дремучий парень, употреблявший изумительные глаголы «ложить» и «покласть». Аня была уверена, что брак между Леной и Павлом просуществует от силы полгода, уж очень разными они казались.

Но все вышло по-другому. Павел неожиданно занялся бизнесом, враз разбогател, купил квартиру, машину, дачу... Разводиться они не собирались, обожали Никиту и жили счастливо. А вот у Анечки жизнь не складывалась. Правда, она тоже вышла замуж и переехала к мужу, в огромную комнату на Старом Арбате. Но ее судьба была другой, нежели у подруги, и ребенка себе они позволить не могли: не было ни средств, ни нормальной квартиры...

ГЛАВА 9

Два года назад, забеременев в очередной раз, Аня приехала к Лене. Последнее время они не слишком часто встречались. Обе замужем, быт, работа...

И еще Анечке не слишком приятно было видеть роскошно отремонтированную и шикарно обставленную квартиру Федуловых, где по длинным коридорам гонял на детском электромобильчике Никитка. Нет, Лена всегда была приветлива, доставала из холодильника австрийские пирожные, а из бара французский коньяк... Но! Но просто очень тяжело оказывалось потом возвращаться к себе и ложиться спать на продавленную кровать за ширмой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.